

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1925
№
23

*Советский
Хлеб!*

“МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-89-13 и 1-81-01.

Рукописи принимаются написанные на машине или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ОРГАН

Центрального и Московского Комитетов Российской Коммунистической Комсомола.

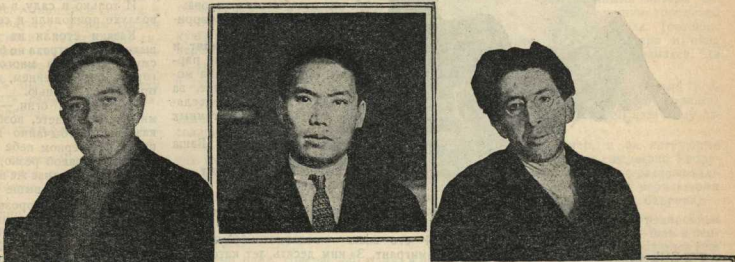
Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	— 24 ном.	... 4 руб. 10 коп.
» 6 мес.	— 12	... 2 » 23 »
» 3 »	— 6	... 1 » 15 »
» 1 »	— 2	... 40 »
Отдельный №	высылается за	— 20 »

Получку принимает Отдел Периодических Изданий из-ва «Молодая Гвардия», Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

КИМ — ЖЕМЧУЖИНА КОМИНТЕРНА

20 ноября 1919 года стало одной из солнечных дат истории. В этот день в грязном берлинском трактире кучка пыльных юношей собралась с разрывом кофача и большого шара для того, чтобы, сомкнувшись в одну железную фалангу, революционная молодежь всего мира, взамен распавшегося старого Интернационала, возглавила новым штабом, подымая новые знамена, провозгласила новый клич.

Новый Интернационал нарекал Коммунистическим Интернационалом Молодежи. Это означало разрыв со всеми колониальными, неустрашимую готовность к жертвам, пламенную волю к борьбе.

Страдаальческие тени Энгельса, Вотивина, М. Гольдштейна и тысяч других повисли над ними, расстрелянный, истуканный дух на дыбе, смаргивая пролитую в ухабистую, крутую и извилистую дорогу, клут и вассельна, тюрья и каторга являлись той беспощадной школой, где до коври вылаивалась эта жемчужина Коминтерна, по меткому слову т. Зиновьева.

Эта жемчужина обладает величайшей радиоактивностью, величайшей способностью влиять, преобразовывать окружающее.

Разве не о стальные доспехи КИМ'а разбитые все стрелы перевертится от коммунизма: Хелгуада, Трансиля, Бубника и др., испугавшейся молодежи великим соблазнам борьбы со стариками?

Разве не КИМ'ом из 200.000 возрос в десять раз, сравнившись в ряде стран с могущественными и старейшими организациями соглашателей? Величайшей жизнедеятельностью напоса каждая клеточка КИМ'а. Такими клеточками являются и ячейки нашего Ленинского Комсомола.

Каждая ли ячейка отделимо сознает это?

Не правду ли говорят о КИМ'е в КИМ'е только, как юбилей братской организации, и не более?

А, ведь, РЛКСМ являлся основным рычагом при основании КИМ'а. РЛКСМ все время питал своим опытом важнейшие ветви КИМ'а.

Голова и в КИМ'а — наш кровный юбилей.

Глубже, крепче продумать своею связь с КИМ'ом сильнее опутать свою ответственность перед ним принадлежать на работу — вот чем должны мы ознаменовывать эту годовщину.

В жемчужине Коминтерна РЛКСМ должен являться с той полновесной, с той гонимой, с той драгоценной частицей.

ЧЛЕНЫ ИККИМ (сверху вниз): Рейнард (Германия); Чалли, секретарь ЦК РЛКСМ; Алоэ Франция; Ионансон (Швеция).

В СЕРЕДИНЕ — Т. Хун (Корея).

ЧЛЕНЫ ИККИМ (сверху вниз): Берти (Италия); Вулоич — генеральный секретарь ИККИМ; Ионн (Англия) и Гитлер (Испания).

... Зина говорит несколько певуче...

ДЕНЬ близок к концу, а сероватую муть его просачиваются, медленно сгущаясь и все обнимая, вечерние тени. В конце Тверской, над Триумфальной аркой разовьются последние лучи. Еще немного, и бронзовые кони на ней, бешено скачущие за уходящим солнцем в страну пламени, потускнеют, станут скучно неподвижными и сольются с чернотой неба.

Утром выпал снег, потом схватил мороз, и под тысячами торопливых ног падали теперь поют.

В ворота сада «Аквариум», с обеих концов Садовой вливаются людские потоки, внутри они растекаются по многим помещениям, в которых с утра идут митинги.

Студенты, курсистки, рабочие, домашняя прислуга, — все они устремились сюда услышать новое, волнующее. У ворот, девушки и мальчишки с папками революционных газет и журналов. На груди красивые бантики. Молодо, задорно, и необычайно значительно сообщают звонкие голоса:

— Всеобщая стачка в Нижнем Новгороде!

— Восстание двух полков!

— Последние дни Романовых!

Расхвываются вечерние листки, глотают жгучие слова.

Самый большой митинг в зрительном зале зимнего театра. В партере, ложках, на балконе — черно, густо. Заполнены буфет, коридоры, гардеробную, толпятся снаружи, — а все идут, идут...

В зале атмосфера напряжения и взрывов.

— Товарищи! Царская власть!.. Призываю!

В тощую, мятущуюся у рампы фигуру, вливаются острые, возбужденные взгляды, слышно тяжелое, неровное ды-

хание, и обрывки взволнованного шопота.

Речь оратора прерывиста, хаотична, но в ней пламень, — палит, зажигает. Взметывается смерч голосов, и буйный всплеск тысячи рук. Стонет пол, гудят стены, колеблются лампы.

Вышел другой. Говорит медленно, спокойю, словно отбивает из металла, веско и прочно незабываемые слова:

— На улицу!.. На баррикады!..

В глубине сцены сидят и стоят пожилые и старые партии, вокруг них группа молодежи. Ближе к рампе, за круглым столом — председатель, сухой, строгий, в темных очках.

— Товарищ Зина! Ваша очередь!

Неуверенно подходит товарищ Зина.

— Не смущайтесь, вы отлично скажете, — ободряет ее высокий, в дубленой шубе.

Я его знаю — недавно вернувшийся эмигрант. За ним десять лет каторжной тюрьмы и два побега.

Девушка улыбается и распаивает коротенькое пальцецо. У нее большие черные глаза и на подбородке темная ямочка, взгляд лениво рассеянный.

Мне тоже хочется подойти и сказать: — Смейте, товарищ Зина! Ведь не все говорят, как адвокаты!..

Зина говорит несколько певуче, в нужных местах подчеркивает жестами. И голос у нее мягкий, ласковый, — словно любимую сказку рассказывает она нежному близким.

Кончила, повернулась. В зале, будто сыпаясь с криком стая выпугнутых птиц. Над головами заколебалось облако ступенного пара, задрожала люстра.

— Превосходно, товарищ Чудесно!

Глаза радостно засмеялись, углы губ стрельнули складочками. Поправила выбившуюся волнистую прядь. Жмет руку.

— Вы не знаете, по тон, в шпиль? Мне хочется рассказать ей о всех, кого я знаю. И я говорю, говорю. На лице ее страх и радость, глаза пьют душу и мысль каждого.

— А вот тот, видите, Зина, направо, юноша с длинными волосами? Он написал поэму «Солнечный завод»!

— «Солнечный завод»? Как это замечательно!.. Знаете вот этот, с краю, такой чистенький, — он не наш... Не нравится он мне.

Зина склоняется к самому уху. Во мне радость и трепет от ее близости, оттого, что она, когда говорит, ласково улыбается и подолгу останавливает на мне большие, черные глаза.

От входа неожиданно тревожные крики. Черная масса колынулась. Головы повернули назад.

— Окружили казаки!

У выходов рос стон, крик, женский вопль. Людские волны медленно, тяжело двигались, сжимались, втискива-

В ДЕКАБРЕ

п. НИЗОВОЙ,

лись в узкие двери. Дребезжал, не смолкая, звонок, кричали со сцены и в коридорах:

— Товарищи! У ворот боевая дружина!

— Остановитесь! Провокация!.. Люди выпрыгивали из лож, спускались по столам с балконов, сбивали друг друга с ног, толтали. К дикому, стадному реву примешивался треск ломаемых барьеров. Над головами крутилось облако пара.

И только в саду, в морозном ночном воздухе приходили в себя.

Казаки стояли на улице, заградив выходы. Но страха не было. В полутьме смутно видима многотысячная толпа горела возбуждением, жила одной напряженной жизнью.

Вспыхивали огни, — и в трепетном мимолетном свете, возбужденные лица казались необычайно и жутко влекущими. На черном небе разливалось зарево. За огоради резко, тревожно хлопнул выстрел, тотчас же вызвав несколько ответов, тоном выше и беспокойнее.

В молчании морозной ночи раздалась песня революции!..

Пожар потухал. На мутном небе лениво ныряла луна. У ворот, со стороны улицы, казаки процеживали выходящих. Молодые допрашивали и обыскивали, больше всего отгоняли в сторону, в одну партию. Пожилых и женщин пропускали, изредка сопровождая пинком или ударом нагайки, со смехом и бравно.

Но молодые выходили мало: у выхода стояла группа дружинников и преудерживала. В саду порежнему было напряжено, слышались песни, выкрики речи. Но черная масса редела.

Молодежь образовала другой поток: в углу, за театром, разобрала забор и бесшумно перебралась во двор Комиссаровского училища. По пути стояли в высоких папах, приглушенно распространялись:

— Не шуметь и не разговаривать!
— На улицу не выходить! Размещайтесь в зданиях!..

В безмолвном волнующем шестивии тянулись темным двором, опасливо косились на железные ворота в узкий переулочек, поднимались осторожно по широкому, каменным ступеням и вливались в просторные залы.

Зина прижималась, крепко вшившись в мою руку и тихо, взволнованно повторяла:

— А хорошо... Никогда еще сердце так не билось!.. Вы послушайте, как бьется!..

Я чувствую: глаза ее блестят, на щеках переливаются розовые, жаркие тени, а край лба волнисто пересекает тонкая прядь... Бережно окружаю ее плечи колым рук, и во тьме и тесноте медленно движимся по коридору.

Но еще лучше было бы поднять ее на руки, прижать и нести.

— «Сторонитесь! Я несую мою радость! Мое неожиданное счастье!»

В зале натякается на столбы и каменные веретки. Мутно сереют высокие

ПЯТОГО ГОДА

иллюстрация В. ЕФАНОВА

окна. Мягкий топот и негромкие голоса вырастают в гуающей шум. Слух измеряет огромную высоту и вместительность помещения.

— „Может быть крикнуть так, чтобы зазвенели стекла, чтобы слышно было на улице?“

На полу, возле стены, расстилаю шубу...

В детстве однажды я пережил большую радость. К нам в деревню приехала из города молодая женщина с большими, как сейчас помню, глазами. Вечером я нарвал веток распутившей сирени, и сунил ей под подушку. Утром гостя сказала: „Как сильно пахнет ваша сирень: я даже через окно чувствовала ее запах... И мне снились чудесные сны“...

Мне хотелось бы сейчас под эту постель положить самых прекрасных, нежно-пахучих цветов...

— Вы, что же, так и будете сидеть? — окликает Зина.

— Да, я буду сидеть. Я думаю сейчас о сказке. О весенней сказке, которую переживаю, которую завтра будет доказывать улица...

— Мне холодно. Ложитесь.

Зала успокоилась. Слышатся тихие голоса, вспыхивающий смех; двое, справа, нахвывают, позади — молодое, задорное спорят.

— Эй! Кто там? Не зажигай спичек!..

Слева тянет холодом и сыростью. В коридоре мягкие шаги караульного. Спина Зины мелко вздрагивает. Сдвигаю с себя часть ее пальто и осторожно прикрываю, натягиваю до головы. Рука невольно касается ее плеча, почему-то наполовину открытого. По телу разом пробегает колючая волна и шумно горячо ударяет в голову. Зина вытягивается, повертывается лицом.

— Я все забную. Подолвиньтесь ближе... Еще. Вот так. Пощупайте мои руки — они совсем застыли.

Меня жмет ее дыхание, пьянит запах волос и порывистый пульс сухих, холодноватых рук. Быстро сажусь и не могу сразу выдохнуть.

— Вы что? — пугается Зина.

— Так. Ничего... Хочу закрыть дверь...

Сиюю в легком ознобе, в больном, напряженном трепете, ненужно слы-

шаю храп и громкое дыхание спящих. Окна едва намечаются большими мутными квадратами; потолок, стены, — где-то в бесконечном пространстве. Мягко стучат резинной редкие шаги караульного.

До слуха неожиданно долетает новый звук, странно-чуждый, прачущийся и бесстыдно вспыхивающий. Лицо обжигает, в груди тесно.

Полчас назад я хотел сказать судьбе:

„Благодарю тебя за то, что ты бросила меня в русло неудержимого потока, за то, что вдохнула силу порыва и обожгла душу. За эту ночь, за великую радость и великую боль, за остроту переживаний, благодарю тебя, судьба!“

Но теперь я не могу этого сказать: в душе пусто...

Утром проснулся от холода, — лежал один, раскрытый. В окна смеялось солнце. Зала весело шумела, переключая сотнями молодых голосов, таких же бестревожно-радостных, как и это утро.

Цель войск с улицы была снята. Криливо, с мальчишеским задором и шутками, направлялись в коридор и строились в колонны.

Я был один, совершенно один, в незнакомой и чуждой, — до странного чуждой мне толпе...

К ВЕЧЕРУ началось. Весеннее грозное половеде с нарастающим шумом разливало по площадям и улицам. Зажигала необычная невиданная жизнь. Центры и окраины, большие и малые дома полностью выплеснули из себя людскую массу, и она забурлила, разрушая все преграды.

Завизжали пилы, застучали топоры, заметались хмельные человеческие фигуры, тащили со дворов всякие громоздкие предметы. Партии рабочих спиливали телефонные столбы, перекрестывали улицы. Железная паутина цеплялась за карнизы, за водосточные трубы, за фонари, и бесчисленными нитями висела в воздухе. Мальчишки торопливо выбивали в фонарях стекла. Торговые заколачивали досками двери и окна магазинов. Не было ни трамваев, ни извозчиков.

На Тверской раздался первый рбский, нестройный залп дружинников, пославших десяток пуль казачьему патрулю...

И в этот вечер, и на следующее утро на Пресне было еще мирно. Вооруженные рабочие молчаливо расхаживали по людным тротуарам и небольшими группами дежурили у двух баррикад.

Прошли два отряда прохоровцев в высоких черных папахах, — шли к центру. С Нижней Прудовой показался еще отряд — со стальной фабрики Шмядта. Дружинники в коротких полушубках, с винтовками и тоже в папахах, — стройно

... К вечеру началось. Зажигала необычная, невиданная жизнь...

отбивали глухой такт по мерзлой мостовой.

По тротуарам торопливо текла празднично-нестройная толпа. По ней вырвали, обгоняли одиночки с берданками, маузерами, папанами.

На Садовой-Кудринской еще достраивали баррикаду. Двое бородатых—один с волосами в кружок, в картузе,—волокли лямовый извозный полок. На мостовой окручивали проволокой ящик, прилавок, железные ворота. Какая-то баба в платке кричала от калиты:

— В сарай ступайте! Там кадок много! Утро, как и вчера, солнечное, слегка морозное. Людная улица в минуту становится пустынной, лишь у калитки расплесталась только что кричавшая баба. Пробует подняться, тычется и... неподвижна. Там, где ее лицо, на припотанном снегу ширится пятно крови...

На Малой Бронной, в конце—огромная ледяная стена. Посредине кукла в студенческой шинели и фуражке, с поднятым красным флагом.

Студенты то и дело перебегают от дома к дому, пригибаясь, причась за выступы и водосточные трубы. На грунто-мягкие, размеренные залпы от бульвара, они отвечают пачками, отрывисто, сухо. В парадных, под воротами, кучки мужчин, женщин, ребятшек высовывают головы, с кутким любопытством смотрят на странное, невиданное. Пули иногда ударяются о каменные стены и, обессилевшие, падают на тротуар, где некоторое время вертятся и потом примерзают. Мальчишки бесстрашно устраивают за ними погоню.

Из переулка показалась группа рабочих с кривыми, уродливыми маузерами.

— Товарищи! Скорей на подмогу!

Стихло.

— Ура а!

Узкая улица ожила, взволнованно, радостно шумит.

На Страстной площади бой. Залпы часты и гулки, в них тонут беспорядочные, дробные ответы. С колокольни монастыря металлически сухо строчит пулемет.

— Как каза-и!..—внезапно, полудетски звенит с бульвара.

Кучки быстро тают в под'ездах и калитках. Из-за угла вынырнул и неслется галопом отряд казаков. Двое вскакивают на тротуар, где прижались не успевшие скрыться, и с руганью принимаются работать нагайками. Один, запоздавший, молодой, с зачесом, на-скаку схватил за бороду маленького мужичонка и лихо выволок его на мостовую. Мужик, уцепившись за седло, громко, по-собачьи, визжал, лошадь танцевала, а казак, часто промахиваясь, долбил прикладом в лысое темя. Потом пристрелил...

Вечером я повел раненого товарища в лазарет, в частную гимназию. В большой классной комнате было поставлено несколько с десяток кроватей и стол с медикаментами. Дежурили два студента и несколько сестер. Раненых лежало четверо. Один, с круглым лицом, безбородый, мужиковато, застенчиво спросил:

— Товарищ доктор, вы меня отпустите? Там ждут.

— Куда вы пойдете с такой рукой? Без вас обойдутся.

— Нет никак нельзя,—наших мало, да и народ не стойкий, а я фронтник.

Через койку от него, у окна стоял и бредил белокурыи юноша с забинтованной ногой. В классной было светло,

Один на-скаку схватил за бороду маленького мужичонка...

опрытно. С улицы время от времени доносились выстрелы.

— Пять человек и четыре лошади с одного удара!.. Это я понимаю!.. И в двух этажах стекла!..

Студент подошел и взял руку. Юноша открыл глаза.

— Что? В чем дело?.. Кто идет?.. Жалко женщину! Зачем ее туда понесли?.. От боли у него вытянулись тонкие синие губы, и на лбу лежала складка.

— Товарищ, успокойтесь! Не волнуйтесь!

В передней хлопнула дверь. В комнату вносили еще одного, большебородого, в полушубке, залитом кровью. С ним было двое подростков и девушка. Все с повязками на руках... Мне чудилось, что меня кто-то толкнул в сердце.

— Знай! Это вы?

Девушка подняла взгляд, бледно улыбаясь, и тихо сказала:

— Оставьте... Не надо!

Потом наклонилась и стала помогать переключать раненого.

— ...Во французскую революцию... первой жертвой была женщина. Уличная женщина!.. Вскочила на баррикаду и крикнула: «Стреляйте в женщину!»—звонко выкрикивал в бреду юноша у окна.

Мне было больно и стыдно.

ВЛАСТЬ праздновала победу. Обыватели, помогавшие рабочим сооружать баррикады, теперь разбирали их и приводили в порядок улицы. Открылись магазины, появились извозчики, кой-где трамвай. Пробуждалась суетливая, шумная Тверская. Только Пресня жила еще боевой жизнью. Здесь доигрывался последний акт трагедии кучковой рабочих и войсками лейб-гвардии его величества.

Наш район,— в две квадратных версты,—обстреливали артиллерийским огнем с восьми пунктов. В этот день было выпущено около двух с половиной тысяч снарядов.

Наступила ночь. Небо горело от края до края. Кругом было пламенное кольцо—двенадцать костров, пылавших до самых звезд. Казалось, горит вся Москва. И никто не тушил.

К треску горевших зданий примешивались звуки выстрелов залпами и пачками, и через равные промежутки тяжело ухала артиллерия. Старики, женщины, дети выскакивали из домов и, обезумевшие, без крика, метались, искали защиты. Некоторые тут же падали и корчились, пока не застывали, или ползили обратно, оставляя на снегу темный след крови...

К утру все было кончено. Стрельба смолкла. Дымилась остилка пожарами, изредка вспыхивая бледными, обессилевшими языками. Вокруг бродили беспомощные, одинокие люди. Было мучительно тяжело.

С белым флагом, жалкой кучкой, стыдась друг друга, как побитые дети, группа рабочих шла в Пресненскую часть, где помещался штаб победителей.

Спустился три дня я был во дворе Пресненской части, где у забора лежала поленица трупов, чуть чуть, запорошенных снегом. Со многими вчера несколько дней назад я стоял бок-о-бок, видел их горение, их гнев, радость... Что-то опять, как и тогда, толкнуло в сердце. Сбоку мелькнул край знакомой юбки. Из-под большого раздетого долога тела высушила застывшая женская рука. Мне неудержимо захотелось прикоснуться к ней, но стоявший рядом солдат с винтовкой угрожающе звякнул затвором.

Никогда никому больше не улыбнется Зина...

СТРАНИЦА ОДЕССКИХ СТИХОВ

В ПОРТУ

(ИЗ ЦИКЛА „ГОРОД НАД МОРЕМ“)

На морском, проселенном раздолье,
Там,
Где ветер одичавший дул,—
Кият моль,
И гудами на море
Громятся непролазные гуа.
Море!
Ты—
Во все морские уши
Слушаешь с утра
До четырёх:
Молоток и пил
Стальные туши,
И подсыны крапов
Долгий валод.
Эго—труа
С лучами солнца спорит
И несёт разбегом голубым
Вдоль
По волнам неспокойным
Моря,—
Песни, стук и папиросный дым.
Так летят рабочие удары
К опорношумя ял морем небесам.
И рдеют—
Огромные амбары,
И скрипят—
Сосновые леса.
Скоро! Скоро!
Вот по этим волнам,
Всплуски с попутною волной
Появятся на брuxe пароходы,
Уюса ядевое зерно.
А срад—
К амбарам величавым—
Стрежи, семафоры и пути.
И придут товарные составы,
Чтоб сгружаться,
Составить
И улят...

А. БОРОХОВИЧ

„Потоки Октябра“

ШВЕЯ

(СТИХИ О МАТЕРИ)

Двадцать лет покашивает силло,
И потагиается человек,
Кульдяный у Зигера на вылат
И уже оплаченный давню.
Нашивались месяцы
В подвале
Кисеев, подкладкой и сукном,
И кусками ситца пролетая
Облада за маговым окном.
И ложилась правильно строчкой
Под игол малеющей углам,
И росли,
И падали сорочки,
И, улавши, делались былым...
Тяжело всеявшею погодой
Утлом приглаживать цвета,
И всею почувствовать по модам,
И в тоске—
Журнала переаистаты!
А в ковше осеннего заката
Зашуршит по зимнему сукно,
И прижмет красное блязо
Полса за замершим окном.
Пусть у мамы свиряется в морщинах
Такого раздумья сиведа,—
Я ее в витринах магазинных
По мануфактуре узнавал.
Я ее угадыва заране
В полосах несшитого сукна,
С песнями, с подвалом
И геральд,
С обложки из ситца у овка.
На маюшню, ветую на вылат,
Ты покора, сгорбишься давню.
Двадцать лет покашивает силло,
И потагиается человек...

Е. ПАВЛИЧЕНКО

ИЗ ПОЭМЫ „МАЯТНИКИ“

ЖАНИЖАК

Детство ваше тем и жалче нам,
Что грешим, как мальчики, пока
Помиши,—
Маятник баяюка мальчика
В темной комнате часовника.
Нагибаясь, приседаю, маятник,
Шел, как сумрачный гороховой,
И сверчывае растаскала мятло
Над ребаческою голодой.
Цифры отгичае-отен учил его,
Стрелку маленькую от большой,
В девять лет
Премудростью обильною
Напитался—стал совсем большой.
Приходани в сумерки заказчики,
Ожидая, торопя отца,
Ожидая, блуясь вавимозно
Прядями и пальцами маяля.
Маятник стучал и перекатывал
Час за часом,
И за звуком звук,
И дрожако стеклышко шербаево
Птегичком в отеском глазу.

II

Помню я—
Весною балосклоной
Насталла радость, как загар.
Чистить матери горох зеленыя
Я, смеясь, на кухне помогал.
Развивался, стружи зеленея,
И зерно катилось на ладонь,
А к полууюю—
Маятник пели,
Развиваияи комитую совь.
И скляночкя, в ситлоке гарной,
Шелса разудой ногов,
Ты ли в сумеречном пельяоре
Нуа и гадала над плитой?
Ныа, в мастерскую стрелотанье
Наполвало с самого утра,—
Чисики бевинное дзыанье
Нежвая и приласнутых шарх.
И, любовно штурис микрокопом,
Изредка, потагиывая внос,
Часовщик охотился за скопом,
За валогой гаск и колес.
...И, взволнованный,
В ночную стражу,
К голубатне девичьей владом,
Шипуля, мальенький,—и я туда же—
Щеголять лукавыми языком.
В темноте угадывание спины
Я ловил, шараясь, и рос
Задна укуса и терновни,
Подымающийся из волос...

С. ОЛЕНДЕР

Э. БАГРИЦКИЙ

Шкипер Жан,
Бредота белокурый,
Весь в татуировке и рубилях,
В порт ялет походкою понурой
Девел нет,
И дырки в башмаках.
Шкипер Жан,
Шатня еше немного,
Обогат квартал,—
И пред тобой
Вольная соленая дорога
Раскачнется звонкой синевой.
По волнам,
По чайкам красноспосым
Ветер пролетает и кружит.
Натуго прикрученная тросом,
Шхуна вздрагивает
И скрипит.
Много было вынито сегодня,
Все в башке гукает хоудом.
Надо спать...
И вздрагивает сходяя
Под морским
Корыням башмаком.

Нет людей на плаубе пустынной,
Синий полесь солцем навкален.
Жан глядит:
За грудой парусины
Над газетою матрос склонен.
Жан бредет несверными шагами,
Слотывается о круглый трос,
На него сплывающими глазами
Из-за паруса
Глядит матрос.
„Жак, встанай!
Тебе здесь школа, что ли?
Вымой губу.“

„Сверни ланат!“
Но удеревной сверная волей,
Из-за паруса галса глядит.
Шкипер Жан качуется бестомкою,
Закурив и трубой запыхтел.
Дай газету!
Глян на заголок.

Напечатано:
„Ишпанит“.
Кляксам, крючкам и винтикам
Распалывается пред ним читать.
Шкипер, Жан,
Не пняными глазами
Эти буквы надобно читать.
„На, возьми“.
И снова Жан упорно
В лист углубляе,
Закусив губу.
Ходит ветер над водою черной,
Продвевя кричит на берегу.
Шкипер Жан посявывает носом.
Гавнь молчаливая и пустая.
И жевит пред мозговым матросом.
Шеаеста лисит.
„Нуманит“.

ШКОЛА СОЦВОСА

В этом классе,
Корчась при ответе,
Мальчик думает—беда минует,
А в дверях—подсматривают дети,
Как аруга детей зазнаивают.
Разве мела белого не хватат
На пятуюсто поверочный вопрос?
И напрасно зяится математик,
И напрасно гибнут папиросы.
Но когд, раскатываясь дробью,
Строго число оторвалос,
Знаменатель—лет у изголова,
А числитель прыгнул под колаеса.
Была изменеия, сокращеия.

В результате—
Цифры отошаны,
И, в ответ на детское волнение,—
„Удовлетворительно“ в журнале.
А на зятра
Книги и уроки,
Перемены в этом классе душном,
Где на стенке—Ленин, немискою,
Удобняющийся простодушно,
.....
Прикрываясь марсовым граматиком,
Повторяют, путая вопросы,
Чтобы дома вспомяни математик
О шестом учиние соавеса.

С. ОЛЕНДЕР

ЯЩИЧЕК С РАЗГОВОРАМИ

Е. СЕРГЕЕВОЙ, рисунки К. УРЕВИТС

ДРАЧЛИВЫЙ п е-
тух жирен не
бывает.

Пословица та-
кая есть.
Неверная послови-
ца, если к Матрене Егоров-
не приложить.

Полноты она для
пролетарского своего
происхождения прямо
несообразной, ну а драч-
ливостью-то—по двум
перулкам (от угла до-
на если считать, где
Матрена Егоровна жи-
вет) и жествастости про-
тив Матрены—кишка
тонкая, не вытягивает.

По двум перулкам
слава о Матрениной
удали. Ну дальним-то
в усмешку, а вот ко-
ридорным то соседям
как...

В тучности Матрены
Егоровны и в лютости
беспримерной было да-
же сходство некое с
большой породистой
свиньей, из тех, что
приносят дюжины: та-
кая же домовитость и
семейственность—с
теплым хрюком к своим,
страшной пастью к чужим.

Перед страшной пастью этой, и го-
лосом такого напора в ухо, словно
в бубну, глотка команданта дома, тоже
парня звавшегося, все равно, что глиня-
ная свистушка.

Ерсленился по началу командант:
никогого авторитету в коридоре № 7
через проклятую бабищу.

По всем этажам в вязаном светере
ходил, во всей полноте власти—не идет,
земля несет.

В седьмой кожаную куртку одевал
для внутренней опоры, и даже револь-
вер к поясу для воздействия внешнего.

Никакого внимания баба оглашенная
на все знаки—пуще развезает.

Плонул командант, живите как хо-
тите, себе дороже, и больше ни ногой.

Но бывало так, и с годами все чаще,
кричит, кричит Матрена Егоровна, и
едруг хряп в горле, как пружина в грам-
мофоне...

И чует Матрена, опадает, опадает
маленький язычек, застят в глотке—
голосу ходу нет.

Тогда стихала вся, и голосом и яв-
ном, как подсеченная.

В перулке по левую руку жи-
ленищина одинокая, большой мастак на
всякую бабью полкомку.

На всякий лихой случай верное сред-
ство знала—от срыпу пользовалась, от
свербежу, расперец унимала в один
день кактусом-алой, бородавки вязала
шелковой ниткой, плевала в глаза ячме-
нястым; она же и язычек маленький
подымала Матрени Егоровне бороновым
зубом.

Чирья оказались пустяковыми, но зашибла в лечебнице Мишку хвороба куда лише...

На весь остаток дня стихла Матрена,
и беседами теплыми, задуманными с со-
седками разминала язычек.

Чай пила с баранками, парила их на
дырочке самоварной.

Дух крендельный теплый, сладчайший,
крутой, самовар курлы-мурлы.

Сын у Матрены Егоровны из мо-
лодых фабричных: нравом в мать, ком-
плекция, однако-ж, по пословице—ля-
гавая; по перулкам громкая извест-
ность: Матренину марку держит.

Десятка три слов печатных, тех, что
аршинными буквами на всех плакатах,
из Мишки торчат незабытыми гвоздиками,
красный лохмоток у сердца.

Однако, в ленинский набор—тпру—
по переулочным делам, хорошими де-
лами хвост задрипан.

Что крику было:

— Какое может иметь отношение,
скажем, по партийной линии, так вашу
и этак!

Ячыка—кость: „Ободкам в партии
не место“. Главное—досада, много было
натренопа, много квитов несквитанных,
и сквитать их невозможно при всей
удали.

Откладывая до партийности, при-
страивал.

— Вот запишусь в коммунисты, тогда
поговорим!

Но больней всех бабий укус.

Случай такой вышел:

Одолели Мишку чирья во всему телу.
Осыпной крупный чирей в горошину,
ни сесть, ни лещь.

Лекарка переулочная на Мишиных
чирьях репутацию чуть не подмочила—

благо, что парень не-
пугевый:

— Дурья голова, ле-
читься не помочиться,
враз не сделается.

Вывернулся бабка.
А Мишка пластыря
ей на окна наделил сна-
ружи, и в лечебницу.

Чирья оказались пу-
стяковыми, но зашибла
в лечебнице Мишку
хвороба, куда лише.

Мишкино с е р д ц е,
что голыш камень—об-
ветрен, обмызан, по
улице катан, топтан,
метан—сам себе диву
делся, обмяк, оплав-
вился.

Фу ты, пропасти на
них нет на баб, на этих.

Фельдшерница ма-
ленькая, беленькая, как
умный котенок, на
окошке, на солнышке
мурзилась, пока доктор
Мишкины чирья давил.
Жмурится на свет, вся
беленькая, а солнышко
в глазах, ну словно бы
луч в озере в час ут-
ренний.

Тяля, погибал Ми-
шка.

А доктор лекарство
выписал и фельдшернице листок отдал.

С листком и с Мишкой пошла
по коридору, расширивала о чем-то,
не вспомнить Мишке. Язык кем-пелком
во рту, сам дубина дубиной. Вот как
режет под корень любовь.

Однако, оторопь первая прошла,
встречал, подкарауливал фельдшерни-
цу не раз, и с натужной бойкостью даже
в разговор.

Лопался с натуги голос, рвался,
злялся Мишка.

А фельдшерница каждый раз о чирьях
вспомнит:

— Ну, как, мол, зажили?

Провальсь оии!

Ну, и буквально никакого подступу.
Стороной узнал, фельдшерница в партию
кандидатия.

И выпал раз Мишке случай—туз ко-
зырной.

Ехал на Сухаревку семнадцатым
номером „рубашку-фантазию“ кушить
хотел.

Клюет баба на „фантазию“.

Мишке места нет, на ремешке висит,
раскачивается, и видит, как раз наиско-
по на скамеечке—она.

Ну, хороша, меры нет!

И не один Мишка любитесь.

Господничек, что рядом сидит, по-
сапывает, маслится, в перстышек го-
сподничек, толстенный, розовый, поро-
сенок мытый, сам маленький, а ряжка
на два паспорта.

У фельдшерницы шляпка мелкобур-
жуазная, с козульки наперед. Однако,
на груди значек, 7-й октябрьской в пользу
Доброфлота.

Буржуйчик на женскую приятность ошшоку дал.

Населился в разговор.

На значек этот пальцем.

— Это... что... ж... навязывают-с?

— Нет—говорит—сама купила.

Господничик сразу весь так и расплескался, чуть слюну не уронила, подхватила налету и в скок:

— Ну, да... да... знаем, как это сами-то... мы вот и облигации тоже сами покупаем...

Гнется к барышне:

— Это говорит на значке-то какая ж цифра, что может означать?

— Семь... ага, семь лет значит—

На барышню глазами играет: понимай, мол:

— Семь лет—

Слушок такой по тайным московским уголкам, что мокрина в сырости, так по уголкам, по уголкам ползая, и только в тишости полуюшполотной из подворотни иной раз на улицу: семь лет,

значит, конец по тайным книгам.

А фельдшеру разбирает смех, глянула на буржуйчика:

— Да, говорит, семь лет—а что? Тот в пот, снял шляпу, дымитса темячко.

— Да так, ничего, я к тому... что очень симпатичный, мол, значек... очень он мне нравится.

Тут-то вот и выпал Мишке козырь туз, развернулся, себя показать.

Все кругом улыбаются над господничком.

Наша берет.

Навалился Мишка на буржуйчика, и давай крыть.

И обернулся туз шестеркой настоячей: то все смеялись над буржуйчиком, а как гукнул Мишка на него разок, другой, матерком дыхнул, поднялся галдеж.

— Гражданин, как вам не стыдно, человек вас не трогал, и тому подобные всякие совестиные слова.

Мишка на них: такне, мол, сякие, интеллигенция, скрытая фашизма...

Кондуктор за рукав:

— Гражданин, не скандальте, это вам не улица, и прошу вас из вагона выйти.

— Как так?

— А так.

Звонок. Свисток.

И с красной шапкой под руку, в акурату мимо фельдшерниц.

И она как укусит в самое ухо:

— Товарищ, никогда не надо ставить хвост трубой!

Загадала загадку, посадила на самую якушку.

Так часто бывает, в красном полыхании угля зеленые языки; любовное Мишкино полыхание злыми зелеными языками пошло.

Затаил злобу и пуще о партийном бедстве заскулил.

И видит себя Мишка: в должности полномочных с длинными мандатами.

Приходит он в лечебницу, ту самую, где она, комиссия хвост, свой секретарь личный, барышня, как поларгетась, красоты отменной—куда те фельдшерца.

От зависти позеленеет, как, мол, счастье свое проморгал!

А Мишка весь кожаный сверху до низу, кремень-кремнем.

Ни здрасте, ни ни—видать не выдал, знать не знаю.

Прямо к делу.

— Я, гражданка, полномочия имею, и при сем мандат на вскрытую контрреволюцию, даже и в скрытом виде, и имею подозрения на вас, как на элемент мелкобуржуазный, присосавшийся; хоть кандидатура вы в партию, во только пролетарской партии вам не выдать, как своих ушей, потому как есть это с вашей стороны одна симуляция в политическом смысле, и потому я должен вас арестовать.

Тут по женской линии полагается истерика. А Мишка к бабьим слезам, как к лождужу.

— Я вам приказываю, гражданка, не верещать, а относиться к делу вполне серьезно, потому как от диктатуры про-

летарията вам не будет никакого снискождения.

Та, попятно, а ноги, сапоги целует:

— Миша прости, когда бы знала да ведала!

— Поздно, гражданка, поздно. Секретарь, занесите в протокол унизительное поведение гражданки посредством воздействия на известные мужские органы, при том в полноте власти.

И влзру по партийной линии полный у Мишки крах жизни.

С досады по переулкам пуще пыль пустил, раком прошел, а дома голосом стал Матрене Егорову перешибать.

Та то уж к старости сдавать стала, да и то сказать, плохая снасть, отдохнуть не дает язычок-то, ведь с полонмой—день кричи, день молчи.

Ну, когда двое орут, третьему уж азыка не протянуть. А был и третий.

В тишости неприметной жид, издавая подымтай тучностью суругу, языком пуганной, Трофим Иванч, рабочий табачной фабрики, Мишкин отец, ну, а Матрене Егоровне-то, по приметам несусветственным, а все же законный муж.

И в тишости мышиной жизни сквозит услое окно дней мерещился Трофиму Иванчу мир иной, полный всяких сверхестественных возможностей.

К чудесному и сверхестественному необъяснимое тяготение имел. До революции „Вокруг Света“ выписывал со всеми приложениями и вечерами долгими, зимними, на луну путешествовал, на планет, алавал под водою, охотился на носорогов. А ночами, в снах обертывалась чудодейственность эта вся своей страшной стороной; в смертельных судорогах бился Трофимыч в крокодильей пасти, погибал под лапой гиппопотама, просрыпался с криком в липком поту.

Рядом, теплой русской печью, Матрена Егоровна спом обезвруженная, не страшная, прижимется в робости к ней Трофимыч. Прочуробит она всяким тяжелым языком:

— Начитался чертовщины-то, осениси крестным знаменем, и спи! Обмает тяжелой лапой, как малое дитя.

Так пуганый и жил при Матрене, как второе малое дитя. Вместе с Мишкой рос, не подрастал, да куда там Мишка, уж давнись, обогнала отца и ростом, и бойкостью речи, и твердым шагом, а Трофимыч так до старости, ни говорить, ни ходить, все по стеночке, все за Матренин подол.

Но было раз наречение дерзкое, не только твердой ногой стая, но и Матрени подчинить—в тайне великой сохранилась затея эта.

Опять же в страсти своей к чудесному наскочил Трофимыч на книжку.

На обложке глаз, как сверло, прямо в сердце, а от глаза во все стороны лучи гнущей проволокой.

„Магнетизм“ личное влияние.

Отрава в этой книжке: „каждый может иметь силу над людьми“. Каждый, даже он, Трофимыч, в ничтожестве бытия своего.

Охмелел Трофимыч, и взгляд своей жиденький стал напряжинивать перед зеркалом.

Тихий глаз у Трофимыча, пуганый, понатужится и проволокой воткнет взгляд в толстомясы Матренин зад.

Этим взглядом, да ка-б в глаза Матрене глянуть, сразу бы над ней верх

— Поздно, гражданка, поздно! Секретарь, занесите в протокол унизительное поведение гражданки.

...рвет провода, что разъяренный зверь мечется...

Трофимычу держать, так по книжке той соблазнительно выходило.

Но под глазом Матрениным вралась проволока тонким льняным волокном, невозможно в лицо гнать.

Так и сверлил Трофимыч Матрени зад в ожидании чудесного воздействия.

Но вовсе неуязвима Матрена Егоровна с тыльной стороны, а дурной глаз Трофимыча приметила, встревожилась.

— Неужто сглазил кто дерьмо это? Какая лухудра позавидовала!

К вечеру от лекари переулочной мазь принесла, из толченого таракана с божьей коровкой на свином саде, намазала разбухшие Трофимычевы глаза.

Тем и кончилась затея.

С войной, с революцией — лютеля Матрена, и соответственно тишай Трофимыч. И радостям его тихим — коней.

Где уж тут «Вокруг Света», когда собственная планета сползла с места и поехала невесть куда. Трофимычу из тараканей дыры не выдать, загнала в угол Трофимыча Матрена в лютости беспримерной, в кусочном раже. Ковырялся над старыми подметками, над заплатками на сапоги, на валенки — за фунт, за полфунта ржаной муки.

Стала фабрика, целый день дома, валенки, сапоги, рвань, вонь, музича. Так ничего и не выдал Трофимыч. К скопичам люда фабричного от девятсот пятаго стаха нугряной. Упорство в этом, даже натуре Трофимычевой несвойственно; одно твердит:

— Шалишь, не втянешь!

— Тыфу ты, бабья затычка!

Так и жил в низкой цене меж товарищей, вовсе без цены дома, и сам для себя потерянный, в неужности бытия человек, Трофим Иваныч, рабочий табачной фабрики.

Ну, а когда каждому колесу опять своя колея, каждая гайка свой нарез нашла, опять утрами Трофимыч на фабрике, а вечерами за журналом «Радио».

И до того дочитался, что однажды вместо полочки принес эдакий маленький ижичек, весь в проволоках и с трубками.

Так дерзостен был поступок, что Матрена даже ругаться не стала, не рехнулся ли, присматривалась зорко целый вечер.

А Трофимыч от роду словами не богат, да и от Матрены не было ему повадки разговором баловаться — не спрашивает — и ладно, и он молчит, нуром по-спасивает, нутряным светом светится, катушки разматывает, укрепляет ижичек, а потом как обмотал голову ремешком, так и замер в благоговейном трепете.

Матрену полюснудо как ножем.

— Взнуздалься, так и ешь.

Рехнулся; кинулся по соседям — Трофимыча позвать.

Набились в комнату.

— Да, вель, это-ж радио, Матрена Егоровна, Трофимыч, ну, и Трофим, яку штуковину приобрел!

Все с завистью.

А Трофимыч, как именинник, светится, захлебывается, путается в непривычных разговорах.

Матрени кинуться на мужа, так час и не выпал, — сошло.

Но пререзьем отметила и ижичек этот, и затею. У Трофимыча началась новая, сладостно-тайная от Матрены жизнь: и тут вот он, в той же комнате сидит, а только вовсе его, может, здесь нет, обмотает голову ремешком, и разом ухнет в другой мир, неслышаемое слышит, слезами умирления захлебывается.

На седьмом году медовым месяцем рабочей власти упивается.

— Да не уж-то-ж сами, да божья мой... братушки вы мои... да пресвятая-ж богородица. Калинин батюшка, самый старшой, до чего-ж обходительный, теперь, говорит, все ваше, а мы ваши слуги... угодничи святые... думали ли, гадали-ль, дожили, дожили, святитель батюшка!

Матрену, в тихий час, соблазняет:

— Послушайте, Матрена Егоровна, про власть советскую, про рабочий класс. Вот вы все на судьбу рошете, на власть обижаетесь, послушайте-ка, до чего рабочему теперь живется хорошо, думали-ль?

Но вспылит Матрена даже в тихий час:

— Ты ижичек-то этот с пустыми разговорами брось, задуривают голову таким, как ты.

В ижичек-то, небось, райской птицей заливаются, у меня глаза есть и свой разум!

Ах, несознательная женщина!

— Ну, музыку послушайте!

— Тыфу!

А Миша, тот приростился к радио-концертам.

— Резвится, подпевает Интернационал.

Неслышней маленький жучек точит, валит вековой дуб, в пыль, в тухло обращает необъятный ствол.

Каждый вечер маленький жучок из ящичка в ухо:

— Ти ти ти-ти-ти.

Более двадцати лет ненарушимо стоял авторитет Матрены Егоровны.

Невозможно больше выносить власть несознательной женщины. Может, на женскую агитацию пойдет, и в день восьмого марта:

— Сегодня о жинщинах будет разговор, чтоб, значит, жинцину освободить... От быту... от мужей...

— От мужей?

Замигал под тяжелым взглядом:

— Ну, да, бывают которые... некоторые мужья... такие...

Нарочно из дому ушел, чтоб Матрену одну оставить, — при муже не сломится.

Любопытно Матрене; одела ремешок, ждет.

И вот из ящичка тонкий голосок, словно птичка в ухо клаует.

И сначала все по-хорошему:

— Слушайте, слушайте, слушайте.

— Слушаем, чай не оглохли.

— Товарищи жинщины, сегодня наш день!

— Каждый день наш, известно.

— Сегодня все на улицу!

— А ты к плите.

Ну, в этом сторе разговор у Матрены с ящичком без сердца, мирно, ладно...

— Только в Советской России жинщина совершенно свободна, пользуется

...От обиды захлебнулась

теми же правами, что и мужчина. Но мало сказать — женщина свободна, надо это сделать, и вот Советская власть, освободив женщину, стремится к дальнейшему ее раскрепощению в быту. С этой целью строятся детские дома, ясли, столовые, прачешные...

Не скажи про прачешную, все бы обошлось.

Вскипело Матренино сердце: мыло на дяха купила стиральное, 5 фунтов, — не мыло, зараза, — так все и выбросила. Загорелась недавней обидой.

Из-за мыла пошел счет с Советской властью, что по чем раньше, в николаевские времена, и что по чем теперь, да какой товар, а ситец то линочный и мыло-то ползучее, так расходилась, так расходилась по комнате, что разъяренный зверь мечется, рвет провода и уж птичка в ухе не клюет, а Матрину не остановить, одна обида другую подхлестывает.

Тут Мишку дурной ветер в комнату занес и дурным ветром дхнул в огонь:

— Так, туда-то их растула, сучье племя, — крой! Ящичек об пол, в щелки, катушки, колесики, со звоном жалобным, провода рвет, тужится.

Потрясен был Мишка в своих основах, мимо лечебницы проходил, видел: митингует фельдшерша во дворе, собирает свою бабушку рать под красный стяг.

От обиды захлебнулся Мишка сплошной контрреволюцией.

Никогда такой твердости не было за всю Трофимичеву жизнь ни в потах, ни в голосе, как в тот час, когда к комendantу пришел:

— Так и так заявляю и прошу составить протокол на свою собратушину жену и сына, и по всей строгости закона поступить.

Мишка сплошной контрреволюцией...

И. ДРОЗДОВ

Стачка на заводе (Музей Революции СССР)

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ

В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ (1900—1905)

А. КИРОВ

С КОНЦА 90-х годов фабрично-заводская промышленность вступила в полосу затишья тяжелого кризиса. Крупнейшие заводы и фабрики начали закрываться. Десятки тысяч рабочих обречались на безработицу. Капиталисты по всему фронту переходили в наступление, снижая расценки, увеличивали рабочее время, ухудшали условия труда. Ухудшающееся материальное положение толкало рабочих класс на борьбу. С 1899 г. по 1904 г. бастовало около 270.000 рабочих.

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

РАБОЧАЯ молодежь принимала непосредственное участие в борьбе взрослых рабочих и часто оказывала движению неоценимые услуги. В корпорациях о рабочем движении, помещенных в органах нашей партии («Искра», «Пролетарий» и «Вперед»), пестрил целый ряд замостков, описывающих деятельное и разностороннее участие рабочей молодежи в забастовках. Так, в одной заметке сообщается. На ситцевой фабрике Морозова в г. Твери подростки — рабочие, чтобы заставить бастовать, начали бить стекла в механическом отделении. Молодежь постарше, человек 300, шикали и свистали. В информации о всеобщей стачке в г. Одессе сообщается, что мальчишки 12—13 лет выпускали пар и звонили в колокола и всячески заставляли прекратить работу. В доносениях охранки имеется следующее сообщение пристава Александровского податского участка г. Одессы в 1903 г. за № 527: «Сорог 3 мая в 9 час. утра на углу Александровского проспекта и Успен. улицы шайка мальчиков, потребовавшая, чтобы приказники магазина Яковенко прекратить работу. Шайка двинулась врассыпную и по незаметному знаку собралась и образовывала группу».

МОЛОДЕЖЬ И СТАРШИЕ В СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ

РАБОЧАЯ молодежь не только принимала участие в борьбе за общие интересы рабочего класса, но также выдвигала и боролась за свои интересы при полной поддержке и сочувствии взрослых рабочих. Так, в заметке, помещенной в «Искре» за 1902 г. № 14, на табачной фабрике Полсва, где работало 600 человек, девочки-подручницы отказались работать за 80 коп. в день, требуя от мастериц прибавки; последние, получая по рублю, не могли прибавить подручницам и обратились в контору. «Посвятить день-другой дома и прилут», — ответили управляющий. Дети ушли и не приходили в течение нескольких дней. Мастерицы также забастовали. Стачка осложнилась вмешательством полиции, арестовавшей 40 человек «зачинщиков».

В воспоминании одного участника на судостроительном заводе стачка протекала следующим образом: «Многочисленная группа мальчиков, человек в двести, собралась возле конторы. Вышедший старший мастер обратился с увещаваниями к съезжавшим мальчишкам и пришедшим посмотреть, что вылет из забастовки, взрослым рабочим. Вместо ответа мальчишки подали записку с требованием повышения зарплат. Старший мастер предложил нежелательным работат расчет. Дело происходило зимой. Рабочих это страшно разозлило. Выступившие рабочие спрашивали, чем их положение лучше мальчиков, и вспыхнула грандиозная забастовка, охватившая все мастерские. Забастовка продолжалась один день. Требованиям подrostков и рабочих были удовлетворены».

На судостроительном заводе Наваль в г. Николаеве, в знак протеста против разгона массовки рабочей молодежи, вспыхнула забастовка. Первым стал судостроительный цех, за ним и другие.

Взрослые рабочие принимали самое активное участие и относились к движению очень серьезно. Были выработаны требования, избрана делегация для переговоров. На следующий день к забастовке присоединились подручные, без которых многие бригады рабочих не могли работать. Завод начал терпеть большие убытки. Был издан приказ переписать бастующих. Это возмутило всю рабочую молодежь, и забастовка пошла по всем цехам. На общее собрание бастовавших явился заведующий заводом полковник, который все время угрожал, но подростки держались крепко, чувствуя поддержку взрослых. Движение было сгруппировано в судостроительном цехе, где были главные массы учеников и подручных. Работать на нем для взрослых стало невозможно. Заводоуправление предложило рабочим брать отпуска, но они отказались. Была послана делегация к начальнику цеха для объяснения, но он ее не принял. Начальником судостроительного цеха был флотский офицер Егоров, с рабочими обращался крайне грубо, ввел жесткую дисциплину. Рабочие его не любили и искали случая угостить чем-нибудь тяжелым, но он был опытен и без помощников не ходил. Была послана второй раз делегация, приготовлено ведро седким суриком, которое поставили позади учеников, выстроившихся в ряд перед конторой. Был устроен дебош и разбито несколько стекол конторы. Под свист учеников появившийся Егоров был облит суриком. Начался переполох, а бастовавшие разошлись спокойно по местам. На другой день бастовавших подростков на завод не пустили и потребовали выдачи зачинщиков. Подростки, конечно, отказались, и были расцитаны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ

ТРЕБОВАНИЯ об улучшении положения рабочей молодежи не были последними в переговорах рабочих с хозяевами. Так, на арматурном заводе

администрация имела привычку набирать мальчиков на три месяца бесплатно, а затем, по истечении срока, увольнять. При увольнении одного мальчика рабочие потребовали обратного приема. Администрация отказалась. Рабочие объявили забастовку и выставили целый ряд требований, в числе которых были политические (дело происходило в 1905 г.) и экономические, касающиеся взрослых рабочих и подростков. Для подростков рабочие требовали: 1) мальчикам-ученикам платить с первого дня поступления; 2) плата должна быть не менее 20 коп.; 3) администрация не должна иметь претензии к ученикам; 4) мальчикам-ученикам прибавлять жалованье через каждые шесть месяцев; 5) не допускать малолетних учеников к непосильному труду, который подрывает их здоровье.

Мотовилянские рабочие в 1905 г. выставляли следующие требования: 1) шестичасовой рабочий день для подростков от 15 до 18 лет; 2) подручные должны получать плату от завода, а не от рабочих; 3) заработная плата подручных должна быть не меньше 40 коп. Рабочие Путиловского завода в 1904 г. требовали сократить время работы для детей (11—12 л.) до 6 часов в день и не принимать моложе 15 лет¹⁾. Среди предъявляемых требований бастовавших типографчиков в Москве пункт четвертый гласил: «прогрессивнее растущее вознаграждение мальчиков-учеников (ко дню выхода из мастера — 35 рублей»²⁾.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПЕРВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

С РОСТОМ революционного движения рабочая молодежь, помимо защиты экономического положения, начинает вести и политическую борьбу, которая получила свое завершение на западных окраинах, путем создания юношеских революционных организаций, а

¹⁾ «Искра», № 28.

²⁾ «Искра», № 50.

в центральной России непосредственным участием в революционных организациях взрослых.

Рабочая молодежь псыла, что в условиях буржуазного общества ее задачей является — борьба совместно со взрослыми рабочими за революционное изменение этого общества, свержение капиталистического строя. В своем докладе парскому правительству шэф жандармов, князь Святополк-Мирский, в 1901 г. сообщает следующее:

«Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованную массу для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно успели в этом. За последние 3—4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полурематного интеллигента, считающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой рабочих».

Об этом свидетельствуют также и воспоминания участников. Так, корреспондент, помещенная в первом номере «Искры» о жизни рабочих в Екатеринбургской типографии, отмечает солидарность рабочей молодежи, иллюстрирующую ее политическую зрелость.

Отрывок из письма приводим полностью¹⁾.

Особенно отличаются ученики. Подростки все бойкие, грамотные, книжку едят, как белый хлеб. С ними хозяйку нет никакого снаду. Заставляет он их, например, не в рабочие часы разносить корректуру. Сговорились между собой мальчики и завели хозяйку, что корректуры носить не станут — не их дело, да занимать так в неуточное время он не может.— «В он п о ш ли. Заставлю и ночью будете работать».— «Ну, нет,— заявляет один из мальчиков,— это работа, а времена рабства прошли; все вперед двигается. Пожалуйста расчет».— «Да вы что, белены об'елись, стачку устраиваете?»— «Ну, нет,— говорит один из мальчиков,— я читал, какие стачки-то бывають: по 2 000 чел., а мы-то что-ж— всего 3 мальчика».

Заведывающему без мальчиков нельзя обойтись; перестал он их посылать с корректурами, но принял еще 3-х мальчиков и велел метранпажу поскорее подучить их. Между тем, не зевают и старые ученики. «Мы, рабочие,— толкуют они новым ученикам,— должны дружно держаться».

Зовут хозяин прежних мальчиков и объявляет им расчет, смотрит и новики тоже расчета требуют.

«Вы что, сами, ведь, просились: возьми да возьми, а теперь расчет».— «Что же, что просились, а теперь не хотим служить, раз вы с нашими товарищами так поступаете».

Плюнул заведывающий и оставил всех мальчиков.

В городе Екатеринославе бастовали все мальчики торгово-промыш-

¹⁾ «Искра» № 1. Отрывок из письма о положении рабочих Екатеринбургской типографии.

Г. ГОРЕЛОВ

Эвакуация в деревне. (Музей Революции СССР)

ленных заведений, мальчики из типографий, мальчики-слесари и мальчики-заготовщики. Больше всего заслуживает внимания забастовка мальчиков торговых-промышленных заведений. Так сообщает заметка в „Пролетарий“ № 13 за 1905 г.

„Уже третий день эти мальчики в возрасте от 9 до 13 лет собираются в собрание общества приказчиков в количестве не менее 500 человек. Председательствует 12-летний мальчик, который поражает всех своим ораторским талантом. Удивительно было видеть, когда 12-летний оратор в открытой записке и произнес речь, в которой точно и определенно выяснил то положение, в каком находятся мальчики, и стремления, которые зародились у них.

„Мы, — говорил он, — несчастные дети угнетенного пролетариата, прежде всего, должны предвзять своим хозяевам — это предоставление свободного времени для учения“. Дальше он указал, что даже и торговому делу, для служения которому они вынуждены, их не считают нужным учить, а употребляют для домашних услуг. Указал на необходимость требовать от хозяев и старших приказчиков уважительного обращения, увеличения заработка и неприкосновенности забастовщиков. Говорили и другие мальчики. Приводились конкретные примеры всей той кабалы и эксплуатации, под гнетом которой им приходится жить. На третий день 12-летний оратор опять открыл собрание речью, в которой он говорил о труде и капитале так популярно, что она не отличалась от речей взрослых. Тут он указал на необходимость прикнуться к борьбе за конечную цель, к которой стремится весь рабочий класс, — за социализм, и выяснил, что это такое. Указал на необходимость созвать урядительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. После этой речи были выработаны требования и выбрана комиссия из мальчиков и приказчиков. Мальчики решили бастовать до полного удовлетворения их требования“.

НА ДЕМОНСТРАЦИЯХ И БАРРИКАДАХ 1905 ГОДА

ОСОБЕННО классовое самосознание выявили дети и подростки в собраниях 1905 г. Расстрел демонстрации рабочих, шествовавших к царю с петицией в Питере 9 января, нашел отклик во всей стране не только среди взрослых, но и среди детей и подростков.

Так, в Двинске детьми в возрасте от 10—12 лет, в количестве 300 человек, была устроена демонстрация. Дети шествовали беспрепятственно по улицам города с красным знаменем, с возгласами: „Долой самодержавие“, „Долой тиранов“. Во время шествия дети разбрасывали прокламации следующего содержания:

„Не думайте, что мы устроили детскую игру в демонстрацию. Нет. Мы вышли на улицу, чтобы протестовать против тирании и зверства нашего правительства, понимая, как зверски поступало оно с нашими братьями в Двинске и других городах России. Главное, мы не можем забыть пролитую кровь наших братьев в Петербурге 9 января. Мы

призываем всех протестовать против варварского правительства, мы призываем мстить за кровь наших братьев и всех тех, кто погиб в борьбе. Да здравствует свобода!“

Вызванные несколько десятков казаков быстро рассеяли демонстрантов.

(„Искра“, 95).

Особенно же горячее участие они принимали в постройке баррикад, в прокопывании конок, в закрывании лавок и магазинов. Целыми отрядами переносились они с угла на угол, неслись по улице и вносили много бодрости в бою-рующую массу. (Из письма приезжего). „Пролетарий“ № 9, 3 июля 1905 года).

Безаветная удыль, безграничная настойчивость, детская пылкая ненависть к буржуазии, полицейским, жандармам, — вот чем полны были души пролетарских ребятишек. Полицейские, бродившие по подозрительным кварталам в поисках собрания, не догадывались, что еле видимый от земли пузырь, опросто-мительно убогающий при их появлении, мчался предупреждать и тем портил полицейским все дело. Во время восстания на Мотовилихинском заводе подростки получили боевое крещение. Казаки в’ехали в завод, их встретили выстрелами. Твкого прима они не ожидали. Толпа подростков преградила путь в завод. Один побольше, вооруженный шашкой, кричал: „Не расходитесь, стоять дружнее“. В г. Варшаве, в самый разгар военного положения, по улицам маршировала толпа ребятишек с красным флагом. Вперед раздался выстрел. Толпа шархнула назад. Но из первых рядов раздался голос: „Не брань! Вперед!“ — и маленькие демонстранты шагнули вперед в ту сторону, где стреляли. Во время всеобщей стачки в г. Одессе в демонстрации преоблада-ла рабочая молодежь. При постройке баррикад выдающуюся роль играли уличные дети. С поразительным бесстрашием кучка мальчугов окружила конку, выставила пассажиров и мгновенно свалила вагон на самые рельсы.

Во время событий в Питере в 1906 г. на Невском проспекте и прилегающих

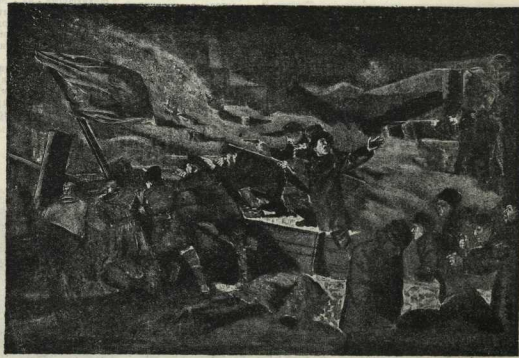
к нему улицах молодежь из ремесленников (так сообщает „Искра“, № 85) начала играть с конными раз’ездами, ругать их, смеяться над ними, сравнивая храбрость воинства злост и трусость перед японцами. Закричат в одном месте „ура!“, — конница бросится к ним, в это время сзади начали бить фонари и стекла в окнах. Во дворе князя Сергея Александровича были почти все стекла разбиты в первом этаже.

НА САКМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

ДЕТИ четырнадцати-пятнадцати лет сажались на скамью подсудимых. А после, по указу „божей милостью самодержавия всероссийского“, молодежь оказывалась в тюрьме. По приговору о мотовилихинском восстании подвергнуты заключению на разные сроки от 2-х месяцев крепости до 4-х лет тюрьмы: 4 чел. — 17 лет, четверо — 18—19 лет и 6 чел. — 20—23 лет. Из 38 приговоренных 14 человек молодежи. Тюрьма была для рабочей молодежи своеобразной свердловкой, где они получали революционное воспитание.

На Екатеринбургском процессе подсудимый Кошкин (17 лет) обнаружил большие ораторские способности. Своей речью произвел сильное впечатление. Кошкин заявил на суде, что он участвовал сознательно в демонстрации. „Голод, угнетение капитализма, бесправие, все следствия самодержавного строя я уже испытал на себе, несмотря на мои 17 лет. Я понял, что в борьбе с эксплуатацией и бесправием одиночные усилия не могут привести ни к чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно“ („Искра“, № 80).

Рабочая молодежь, за небольшим исключением (на окраинах), не создала свои юношеские организации. Рабочая молодежь, участвуя в повседневной борьбе совместно с рабочим классом, принимала непосредственное участие в революционных организациях, понимая, что улучшить свое положение она сможет только тогда, когда рабочий класс завоеует свое освобождение.

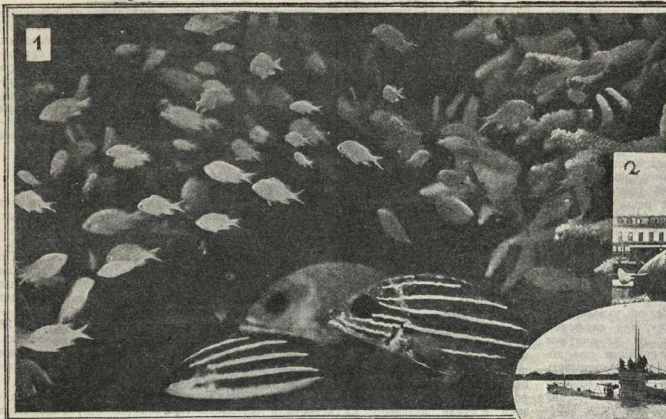

В. ЖУРАВЛЕВ

Баррикады на Красной Пресне (Музей Революции СССР)

В О К С В Е

Синки РУС

ЖИЗНЬ НА ГЛУБИНЕ

Этот интересный снимок (рис. 1) получен английским ученым Ф. Д. Кинном у берегов Новой Гвинее. На глубине 70 футов на дне океана был установлен специальный фото-аппарат, которым Кинн зафиксировал много новых данных о жизни рыб Тихого океана. Фотография показывает момент панки в подводном мире, когда вблизи аппарата появилась акула.

„УМНЫЙ КИТ“ И ЕГО ВНУК

Этим именем была названа первая подводная лодка (рис. 2), построенная в Америке Райсом, Бишелем и Халстадом (Нью-Йорк) в 1864 году. Опыты с ней были неудачны, и лодка осталась жить только в качестве памятника в Бухтевильской Морской верфи. Но ее идея все совершенствовалась, пока, наконец, через полвека подводная лодка не обратилась в могущественное орудие морской войны.

Современная американская подлодка S-1 (рис. 3), кроме минных аппаратов и орудия, снабжена еще специальным гидроаэропланом, который может быть собран в несколько минут.

ФАБРИКА ЖИВНОСТИ

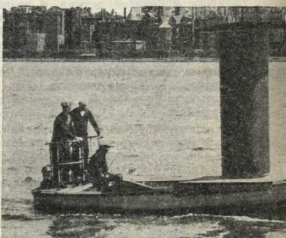
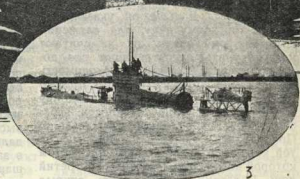
В стране больших масштабов, — в Соединенных Штатах, — промышленный подход коснулся всего. Наши снимки показывают работу на большой птицеводной ферме в Калифорнии, где в инкубаторах ежегодно выводится до 100.000 штук живности. Вверху (рис. 5) — пятидесятичное стадо индеек, откармливаемых к рождественским праздникам. Рядом (рис. 4) — воздушный струевым патентом определяя годность струевого яйца перед закладкой его в инкубатор.

НОВОЕ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКЕ

Трудовая постройки всякого перекрытия усиливается с величиной его пролета: чем больше

пролет, — тем тяжелее перекрытие и тем крепче должны быть все части, его составляющие. Поэтому перекрытия больших пролетов делаются почти исключительно при помощи железных конструкций, так как главным недостатком деревянных конструкций является слишком большой вес железных скреплений между отдельными балками.

Но недавно два немецких инженера в Бреслау изобрели новый способ крепления балок, настолько совершенный, что вес железа на соединении возвысился в 8 раз. По этой системе была построена в 1925 году в Франкфурте - на - Майне станция на 7500 зрителей со свободным пролетом огромной величины — 76 метров, — и изображенный здесь зал для собраний в Бреслау — с пролетом в 45 метров (рис. 6).

РУГ ТА

С ФОТО

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ШВЕЦИИ

На механических заводах Карстадта (Швеция) закончены гигантские турбины для электрификации Лилла-Элет. Колесо этой турбины имеет в диаметре около 6 метров и весит 63.000 кино. В секунду оно будет использовать энергию 160.000 литров воды.

ОДНОМЕСТНЫЙ ТАКСИ

Все удлиняющиеся размеры уличного движения ввели в практику новый тип мексиканского таксомотора. Это — легкая одноместная машина, обладающая скоростью около 100 километров в час (рис. 8). Произведенные в Париже опыты показали, что эксплуатационные расходы такого такси (стоимость горючего, износ шин и пр.) составляют только половину, сравнительно с расходами машины нормального размера.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ...

При взгляде на рисунок 9 никто сразу не скажет, что этот снимок изображает... кончик хвоста динозавра индийского слона. Снимок сделан британской научной экспедицией полковника Брейса, возвратившейся недавно из малоисследованной части Андама, и привезшей много ценного материала.

АМЕРИКАНЦЫ ИСПЫТЫВАЮТ ИЗОБРЕТЕНИЕ ФЛЕТНЕРА

В № 5/6 СМЕНИ была помещена статья о новом использовании вестра. Большой вертикальный цилиндр, поставленный на палубе корабля, при вращении вокруг продольной оси, использует, оказывается, силу вестра гораздо выгоднее, чем паруса. Инженер Антон Флетнер построил по этому принципу пароход «Буккау» движущийся на пробе хорошие результаты. Его открытие заинтересовало весь научный мир. Здесь изображено судно с ротором (рис. 10), сконструированное кораблестроительным отделением Массачусетского Технологического Института для детальной проверки изобретения Флетнера.

ПОДВОДНЫЙ «ТАНК»

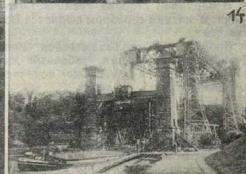
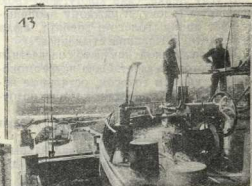
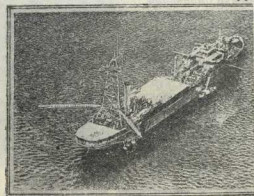
Для спасения глубоководных судов, — настолько глубоко, что водолазы не в состоянии спуститься, — Д. В. Рено выстроил водолазный аппарат, двигающийся на двух воздушных передатках (рис. 12). Человек, входящий внутри, прямо из камеры «танка» укрепляет вокруг корпуса корабля подвешенные цилиндры со сжатым газом.

ОСИНОЕ «ГНЕЗДО»

Морские дирижабли воздушного флота Америки получили новую плодотворную базу: насажено спущен пароход «Патота» (рис. 11) — оборудованный специальной причальной мачтой, к которой прикрепляется нос дирижабля. На борту вмещается ряд ремонтных мастерских и склады горючего и боевых припасов.

ПАРОХОД В ВОЗДУХЕ

На канале Дортмунд-Эмс (Рурская область), между Геврехейбургом и Реклингаузеном, заканчиваются работы по устройству шлюзовых сооружений, предназначенных для подьема судов на высоту пятнадцатиметрового дома. Вся шлюзовая коробка, весившая 5.500.000 килограммов, в которую входит судно, толкается до 800 тонн, поднимается на 16 метров. Верхний снимок (рис. 13) — сделал с кормы

парохода, поднятого над каналом; нижний (рис. 14) — показывает общий вид сооружения.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УКЛОНА

З. КАРПЕНКО, иллюстрации А. ШАБАЛ

МЕСТО действия вообще — Москва, а конкретно, двухэтажный дом на одной из окраинных улиц подпечного города. Домиком был наружности неприглядной и скромной, но жизнь в нем текла шумно. День и ночь расpiration его веснами, гамом и хохотом, усердно производимым сотней другой жириералостных ребят мужеска и женска пола. Мимо окон проходили с опаской: весной оттуда выскакивала яичная скорлупа, осенью арбузные корки, а окурки и чайные оплески летели безотнотительно ко временам года. Грозил и Муни, и ГПУ, и гневом божьим, грозил и перестали—студенты явление беспорядочное, и никакой законности неподдающееся. Героиней рассказа, насколько я вообще представляю себе это дело, является большая женска комната во втором этаже, комната замечательная по многим причинам. Во-первых, сами девчата. Тут жила и ехидная Ленка Гудина, чумазый бандит с черной, шершавой башкой и стремительными движениями, и сиелгала Верочка Китаева, занимавшая ответственный пост первой красавицы общелития, и красочекая Паия Морковкина, девка с гипуповатникой, но добродушная.

Во-вторых, количество этих девчат. Обитало их в комнате 57 человек, так что не на комнату было похоже, а на какой-то шуганский табор—всюду койки, корзинки, козлянки, ящики, примусы, всюду гудами навалено тряпье.

Особо живописный вид являла эта местность вечером, когда все собиралось домой, а две закудалых электрических лампочки не могли преодолеть всего обаяния тьмы. В полумраке возростали столбы, поддерживающие последние потолок. Внизу они обросли одежками, от них тянулись веревки с бельем. Вдаль уходят ряды коек—на них поют чай, возятся, курят, читают газеты, пиют, принимают гостей, наконец, спят.

В углу Ленка, сняв кофту, моет свою шершавую голову, и каждому входящему орет диким голосом: «Ребята, сюда не глядите, я женщина стыдливая».

Под лампочкой какая то несчастная троица готовить зачет. Одна читает монотонным, убитым голосом, остальные напряженно вешушаются, поминутно отвлекаясь в сторону.

— И вовсе нет, это Ленка первая начала, у ней чайник стачили.

— Ну, ну, читай, я слушаю: найвысшего развития стачечное движение достигло...

В Верхней стороне тренькает балайка, и мягким серебром сыплется Верхин смех.

Вообще же—колыхающийся мрак. Пенка, примусный шип, табачный дым клубами—картина дикая, но исполненная своеобразной прелести.

— Не могу я, ребята, существовать с этими богородицами. Они уже из меня всю душу вымотали,—петь нельзя, гостей водить нельзя,—зубрыли несчастные!

«Богородицы» все были студентки старших курсов, отличались девичьей скромностью, солидностью в манерах и хозяйственным обростанем. Чего у них только не было? И примусы, и корыта, и утюги, и щипцы для заправки.

Жили «богородицы» тихо, лишь изредка к ним приходили какие то вышлененные паренки. Тогда из-за стены доносилось хихиканье и пень:

«Юбка на бок, косы нет.

Цим-ля-ля, цим-ля-ля.

Вот курстник вам портрет.

Цим-ля-ля, цим-ля-ля».

В большой комнате до поздней ночи шел дым коромыслом, в нее вечно шатались тучи своих же, общелитных ребят, и она всегда была в курсе всех новых песен.

В каких нибудь два—три месяца сорганизовались дружная и веселая компания. Туда входил наиболее живой элемент большой комнаты, и самые достойные парни. Плюсур Рафал, кавказский человек, ховдивший в узконосных сапогах со слабыми признаками каблуков и перетянутый узким кавказским поясом; маленький, отчаянный Константин, по прозванию—Катышек, с мялым другом Симкой, хорошим комсомольцем и веселым парнем.

Иза-за Катышка, собственно, и заварились каша. Жил Катышек через стенку от большой женской, и вот взбрела ему скучным вечером фантазия в голову: «Ребята, руби окно в Европу». — «Дашись!» И уже выломали одну доску из сплошной перегородки, как вмешались в это дело девчата. Налетели, загладели: — черти, сволочи, что за хулиганство? А Ленка Гудина, серьезная женщина, — не долго думая, — раз! Отлетел Катышек на два шага, еле на ногах устоял. Известно — Ленка — бандит, и лучше с ней не связываться. И то бы еще, может, ничего не вышло, кабы не свои ребята. Принялись смеяться, издеваться: — Что, Катышек, вздула тебя баба, не лезь, мол, куда не надо, маленький еще... Константину, конечно, обидно — парень горячий. А Симка тоже. Раскипелся, как самовар. Девчечки кричат — хулиганы, а он: «мещанки с предрассудками!»

Доску, в общем, забили обратно, но парни не угомонились, и вышла тут великая смута.

В пятницу вечером, в кубовой комнате, возле самого куба появилась большой клочок бумаги, с извешением насчет общего собрания в субботу в 10 ч. вечера. В повестке дня стоял вопрос о переходе на совместную жизнь, о ликви-

дации отдельных мужских и женских комнат. Приходившие за кипятком, читали, возмущались, ухмылялись, спорили второях и бежали по своим комнатам разглашать новость. Скоро все общелитие забурлило котлом. В комнатах, в коридорах собириались группы, мгновенно разбухали и так же мгновенно лопались, разбрасывая в разные стороны оживленные фигуры. Подпольными путями стало известно, что парни почти все «за», что уже несколько дней Симка с Катышком ведут отчаянную агитацию, что—«богородицы» против, и будут выступать единым фронтом, что в большой комнате великий развал и сматнение

СУББОТА. 10 вечера. В большую женскую, где должно было произойти собрание, набирался народ.

Хихикая и оглядываясь, прощмыгивали темные личности из нижних комнат: всякие незаметные, неопределенные парни, составляющие толпу и стоящие всегда за ту сторону, которая в данный момент забывает.

Железной когортой прошествовала «богородицы» и мрачно засели в дальнем углу.

Председателем, как обычно, прошел Рымов, секретарем—Шевелева—староста большой комнаты, этакия увесистая, уверенная особа. Вначале, как всегда, был шум и хохот, потом—внимательное переглядывание, перешептывание. —Товарищи, кто же желает высказаться?—Встает Симка: — Дай мне... Слово т. Комарову! Говорит—Симка произнес настоящую речь, о том, что в эпоху непа' бытового фронта, есть основной фронт, и что сознательная молодежь должна положить начало, преодолеть упрямую косность старого быта. «А его основная черта—это домашнее закрепощение жен

Девка Паия Морковкина, аля больше обыкновенного, сказала, что теперь не присяге время...

ДЛЯ будущих страниц пригодится знать, что большая женска комната от века враждовала с маленькой. В последней осталось всего 9 человек после того, как от них сбежала Ленка Гудина, заявив во всеуслышание:

щины, бытовое неравенство. Поскольку Октябрь дал женщине во всем равную долю, поскольку мы привыкли смотреть на нее, как на товарища в работе,—она должна быть для нас товарищем и в быту. А то, что девчата прячутся в какую-то свою скорлупку, чтобы выпаривать потом оттуда, как куколки—это устарело, это создает нетоварищеские отношения, и всякие ненормальные явления, вроде подглядывания в щелочку (смех). Итак, к чорту, ребята, все буржуазные предрассудки, и будем слушать лишь нашего свободного разума, а он скажет вам то же, что и я. Я кончил.— Бурные аплодисменты галерки. Симкино выступление развязало языки. Поднялся шум, чуть ли не половина собрания требовала слова.

— В порядке очереди, слово т. Гудиной!

Ленка вскочила, встрепала волосы и быстро заговорила низким со всегдашней смешливой голосом.

— Не знаю, конечно, ребята, несколько мы все похожи на порхающих куколок; не замечала. Но с тов. Комаровым я вполне согласна. Общее житье будет полезно не только для мальчишек, но и для нас, для всяких кисейных барышень, всяких ископаемых чучел, устраивающих в студенческом общежитии пансион для благородных девиц... В общем я "за".

— Слово тов. Левенсону.

Парни все были "за", и лишь более или менее горячо повторяли сказанное Симкой. Только один солидный парень снизу десяток минут возмущался нелепой мальчишеской затеей, уверял, что новый быт совсем не в том, чтобы в комнате чередовались мужские и женские койки, из чего получится лишь беспокойство и обоюдные неудобства. И вообще он удивляется, кому только могла прийти в голову эта безумная мысль и советовал, не теряя времени, перейти к другим вопросам.

Мнения ораторов женского пола разделились, хотя основная масса девчат была против.

Паня Морковкина, аля больше обкновенного, сказала, что теперь не прежнее время, и если все товарищи, то и дочкы по-товарищески. И долой всякие прегрэдсудки!

— Уминца,—похвалил ее Димов.

Лелька со слезами в голосе уверяла, что и так в жизни мало красоты, чтобы вытаскивать на свет всякие некрассивые подробности жизни друг друга.

— Ложь—твоя красота; и не место ей у нас!—кричал ей разгневшийся Симка.

Попросила слова Шевелова, отодвинула в сторону свою проточку, и ровню, спокойно, как семинарский доклад читая, стала доказывать, что совместная жизнь породит излишнюю близость, будет возбуждающе действовать на половые инстинкты, в результате чего в общежитии может создаться нездоровая, распушенная атмосфера. Всему должно быть время и место, а распускать себя без толку мы не должны.

Симка страстно встал против:

— В Турции закрывают даже лица женщин, очевидно считая, что открытия физиономии может вызвать нездоровую, распушенную атмосферу*. У нас открытые лица привыкли и они возбуждают в нас всякие чувства лишь посколь-

ку мы парни, а они девчечки, и от этого вообще нельзя отказаться. И так же, как мы привыкли к открытым лицам, привыкнем к тому, что девчата будут снимать при нас свои кофты, и прочие штуки. У папуасов каких-нибудь, совсем без кофт ходят, и то ничего. Так что товарищ Шевелова со своей биологической подкладкой вообще не выдерживает критики. Речь идет не о каком-нибудь животном стаде, а о человеческом обществе, и мы должны подходить, как общественники, как марксисты, помня, что все относительно, и нет ничего абсолютного.

Поднялся теоретический спор о взаимоотношении биологического и общественного факторов.

Утомленные, ошалевшие от крика и горячих чувств, ребята пугались, теряли нить мысли, зарывались в сторону,—пока Рымов не предложил решить вопрос простым голосованием, ввиду того, что он уже достаточно освещен в прениях.

Девчечки забеспокоились, парни были "за", часть их самих находилась в неприятельском лагере, дело принимало серьезный оборот.

— Довольно, довольно! Все ясно, давай голосование!—гремела галерка.

Неожиданно свиное гнездо зашевелилось. Из мрака выступила Варя Лисицина, красивая, солидная девушка с обходительными манерами.

Товарищ председатель, позвольте мне внести предложение.

Димов изумленно взглянул на нее:

— Пожалуйста, товарищ Лисицина! В собрании пробудился интерес, ибо "борородины" обычно не принимали активного участия в общественной жизни общежития.

Чистый, приятный голос Вари, ясно раздавался в приближенной тишине.

— Граждане! я надеюсь, что мое предложение сможет удовлетворить обе заинтересованные стороны, ибо мне кажется—в женской половине есть много противник общих спален (среди девчат утвердительно мычание), я вижу среди девочек лишь человек 7—8, стоящих за совместную жизнь, и я думаю, что будет в общих интересах, если отдельная группа не будет насильствовать общую волю. Конкретно, мое предложение: переселить их в большую комнату в маленькую (я и мои товарищи согласны уйти), и там пусть устроятся, как угодно: по одному или по два мальчика на каждую, в зависимости от... темперамента.

...то одному или по два мальчика, в зависимости от темперамента...

Происходившее в дальнейшем нельзя назвать собранием. С галерки неся беззастенчивый хохот и раздавались хулиганские выкрики. Кто-то ругал Симку: сволочи, мешане! Верочка страшно покраснела и бегела по сторонам округлившись, растерянным глазами. Ленка глядела волчком из-под распушенной груди волосом.

ПОТОМ ВСЕМ было невозможно стыдно, и вспоминали про эту историю не иначе, как с усмешкой.

Парни, наиболее горячо выступавшие на собрании, высмеивали теперь девчонок, соглашавшихся на общие спальни, подозревая их в самых низменных мотивах.

В общем, физиономия общежития резко изменилась. Разбилась на фракции когда-то дружная и крепкая компания большой комнаты. По вечерам все жила в темных коридорах были усевшие нарочками. Ни общих прогулок, ни пее—ничего. Катывшие совсем исхудали и пропадали где-то на стороне.

Правда, не на всех это событие действовало так разлагающе. Бузотер Симка и "хулиганка" Ленка, сразу выросли на десять лет: стали очень серьезными и ударились в академическую и общественную работу.

ЗОЛОТО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В. ТЕПЛУХИН, снимки автора

ГОРЫ голубые, угрюмые. Тайга дикая, непроходимая. Тундра бесконечная между перелесками, а среди всего этого горы песка, мелкой гальки, остатков великих морей, дном которых был нынешний Дальний Восток. Ями, нартые как будто громадными крочами,—это „Монетный Двор СССР“; здесь добывают золотую валюту в ее первоначальной форме.

Годы гражданской войны согнали людей, занимавшихся мирным трудом, сгруппировали в партизанские отряды. Заросли горы песка, ямы залило дождями, наполнило снегом и льдом.

Трещали выстрелы среди мирной тайги, нерано билось сердце рабочего и крестьянина Забайкалья и Дальнего Востока.

Деревни были арсеналами и складами провианта. Тайга и горы—недоступными для белых армий лагерями. Прискаатели—крестьяне и рабочие боролись против насилия, за мирный труд.

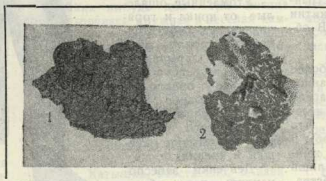
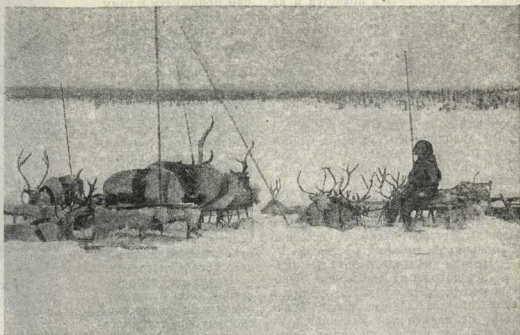
И теперь те же тайга, тундра, горы, но новый, молодой труд, желание строить и восстанавливать разрушенное. А над всем этим дальневосточный руководитель—Дальзолото.

Царствовали Колчаки, золото скупали китайцы, увозили за границу. Туго было прискаателям; никто не доставлял товаров на места, в глушь, в тайгу. Приходилось все покупать втридорога.

Трест заработал. Гонят теперь товары по таяжним тропинкам на вьючных лошадях, по рекам на пароходах, по речкам на ботах.

В глуби, вдали от жел. дорог разбросаны 43 лавок-складов треста, открыты десятки контор, помогающих прискаателям запастись продуктами, лопатами, кирками, и сдавать добытое золото.

Раньше тысячи прискаателей были разбросаны по тайге и горам. Много золота пропадало, спешили хищники-„старатели“ заработать и уйти в города, превращаясь в купцов и лавочников.

ВВЕРХУ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: Перевозка тунгусами вьюгов на приски на оленях.

ВНИЗУ: ЗОЛОТО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: 1—самородное листовое золото; 2—кварцевое золото.

Теперь трест проводит новое, советское, хозяйское отношение, чтобы не пропало ни один золотник.

Создаются артели прискаателей, отводятся участки, кредитуются товарами, намечаются планы работ и разработок и

этим ведется борьба с существовавшим явным способом добычи, при котором пропадало большое количество золота.

Создание складов-лавок потянуло население вновь в тайгу к заботой во времена интервенции работе.

Заработок доходил до 60 р. в месяц на человека.

За пять месяцев на местах трестом было закуплено около ста пудов золота: Забайкалье дало 72 п. 2 ф., Амурская губерния 15 п. 12 ф., Читинская и Благовещенская губернии 12 п. 4 ф., покупалось оно по 5,2 к. за пробу.

За пять месяцев трестом было продано товаров почти на 1,5 милл. руб. Вместе с закупокой золота и снабжением товарами населения, трестом были приняты меры к восстановлению уже механизированных, но разрушенных годами присков.

В Амурской губ., в районе реки Селенги, ремонтируется механизированный, оборудованный по последнему слову техники, присек „Дражтруд“; отпущено на ремонт 250 т. р. Восстановление его закончится в начале 1926 года. Здесь пускаться в ход 3 паровых драги колоссальной мощности, которые могут промывать до 30 тыс. куб. саж. земли за сезон.

За пять лет предполагают добыть до 100 п. золота.

В районе предприятия новые разработки дают хорошие результаты.

В Приморской губ. в низовьях р. Амура, в 100—150 вер. от Николаевска на Амуре ремонтируется электрическая драга; отпущено на восстановление ее около 200 тыс. руб. Это предприятие в прошлом принадлежало Английско-Арскому Аки. О-ву и промывало до 50 т. куб. с. песка. В начале 1926 года оно будет пущено в ход. В течение ближайших 2—3 лет предполагают добыть 60 пуд. золота, это даст до 400 т. р. прибыли.

Так начинает строиться наша золотопромышленность на Д. Востоке.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: партизаны в засаде

НА ЗИМНИЙ СВЕЖИЙ ВОЗДУХ

И. ЯБЛОНОВСКИЙ и В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПРИШЛА зима. Все спешно вставили двойные рамы, замазали все щели, старательно законопатали жилища, а во многих рабочих кварталах, чтобы «не дуло», даже форточки не оставили. Свежий воздух почти не имеет доступа. Холод загоняет человека в зимний «фуляр», и он почти на целые сутки оказывается восточного для его здоровья чистого воздуха. Куда бы ни заглазнуть — в жилое помещение, на фабрику, завод или в квартиру, все страдает этим недостатком. Скудность, недостаточная вентиляция жилых помещений, ядовитая пыль и испорченный вредными газами и парами воздух в производстве, усугубляют зимой это вредное влияние на здоровье человека. Поэтому зимой больше, чем в другое время года, нам необходимо думать о хорошем воздухе. По старой привычке многие очень боятся зимнего холода, опасаясь простуды и всякого рода болезней. Если мы посмотрим, что представляет собой воздух зимой, то мы убедимся в вредности этого понятия.

В окружающей нас среде имеется много невидимых простым глазом, тельц, называемых микробами или бактериями. Часть из них является возбудителями многих болезней. Содержание бактерий в воздухе зависит от разных причин, но главным образом, от наличия большого или меньшего количества пыли, так, например, в горах или на море, где воздух чист, в нем микробов очень мало — в одном кубическом метре такого воздуха около 10 бактерий; но если исследовать воздух с улицы большого города, то в нем будет громадное количество бактерий: несколько десятков тысяч в одном кубическом метре. В скученном, тесном помещении и того больше. Поэтому понятно, почему среди пролетарских масс так много болезней. Главная причина этих болезней — недостаток добротейшего воздуха.

Зимний воздух гораздо чище, чем летом и т. д., почему пользование им особенно важно

и необходимо. Об этом говорил еще «спививает по микробам» доктор Саркисов Саркисов. Известно, — говорил он, — что многие микробы не любят холода, они так же, как и животный организм, любят тепло, и мороз на них действует губительно. Но еще важнее знать, что после выпавшего снега происходит фильтрация воздуха. Прочившаяся метель с тучей снега напоминает мелку, которой просеива по пыльному полу, но если пол вновь быстро покрывается пылью, то земля, покрытая наледью слоем снега, не позволяет возрадиться микробам, и не шлет в воздух клубы пыли. Это преимущество зимних дней над летними совершенно очевидно. Такая необычная чистота воздуха, в особенности чуть вдаль от фабрик и заводов, в лесу или в поле, в первую очередь привлекает и привлекает внимание врачей, которые начали пользоваться морозными зимними днями при лечении туберкулеза, посылая больных не на юг с его теплым климатом, а на север, благодаря абсолютному отсутствию там пыли и зараженной различными болезнями. В горах Альп стали возникать на уровне вечных снегов санатории; такие же санатории стали строить на севере и у нас. И, действительно, все научные наблюдения, приходя к одному заключению, что морозный воздух оказывает свое исцеляющее действие не только при туберкулезе, но и при других заболеваниях, в особенности связанных с нарушением нервной деятельности*.

Порядочная часть нашей молодежи страдает туберкулезом, многие к нему предрасположены. Поэтому особенно важно этой части не притягивать от холода в «фуляры», а использовать всякую возможность для того, чтобы дать своим легким побольше живительного кислорода. Санитком мало мы бываем на воздухе. Чистый морозный воздух — лучшее лекарство для здоровья. Его можно использовать всегда. Прекрасным увлекательным

средством являются лыжи, но для них нужно отвести специальное время, это всегда можно сделать прогулку, хотя бы из дому на службу или вечером в клуб. В городе можно выехать как по утрам молодое старости непременно повалить в трамвай, чтобы проехать 1 или 1½ километра на фабрику. Гораздо лучше для здоровья прервать пешком перед работой, особенно это важно утром.

Во время прогулки, ходьбы на лыжах или катания на коньках, нужно обращать внимание на способ дыхания. Как общее правило, нужно делать вдох носом, а выдох ртом. При таком дыхании в носу задерживается пыль и не попадает в легкие, а зимой, кроме того, воздух перед поступлением в легкие несколько подогревается. В сильный мороз время от времени нужно выдыхать через нос, так как носовая полость подогревает действием холода, может заболеть. В холодные времена через нос вы тем самым его согреваем.

Нездоровым будет сказать несколько слов о тепле в помещении. Высокая температура в помещении для организма не нужна, она бывает даже вредна, так как санитком «разреживает» организм и часто приводит к нежелательному потению. Резкий переход от тепла в помещении к холоду на улице, может легче всего привести к простуде. И, кроме того, пружачивший себя к большому телу человек, отапливается властью движением, быстро устает, вместе срабажу вялую кожу, много знает, но спит плохо.

Нормальным теплом в жилом помещении является там, где производится неподвижная работа, нужно считать 14—15° по Реомюру. Если в помещении производится подвижная, требующая физических усилий, работ, то там температура 12—14° будет вполне достаточной.

СТО ЛЕТ тому назад англичанин Михаил Фарадей сделал величайшее открытие, которое привело к настоящей революции в области применения электричества в промышленных и житейских нуждах.

Кто же такой был Фарадей, что за открытие он сделал и почему 1825 год считают днем рождения электричества?

1. МАЛЬЧИК-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

В 1830 г. в семье одного лондонского кузнеца родился сын Михаил. С ранних лет он работал в переплетной мастерской. Между делом он научился читать. Книжки были большей частью научные и чтобы понять их Фарадею пришлось ско-

СТОЛЕТИЕ

Статья

пить денег на учебники. Так он познакомился с физикой. Так как средств на покупку приборов не хватало, то Михаил попытается сам делать приборы и достиг полного успеха. Случай помог юному Фарадею познакомиться с ученым Дэви, который и помог Михаилу получить научные знания. В те дни, когда Фарадей работал еще в переплетной, он самостоятельно сконструировал электрическую машину. Тогда ему было только 12 лет.

2. ОТКРЫТИЕ ФАРАДЕЯ

ФАРАДЕЙ производил массу всевозможных опытов по электричеству, и следствием их было одно очень важное открытие: он открыл, что если двинуть сквозь катушку проводящий простой магнит, то в проволоке появится электрический ток, а если через проволоку такой катушки пропустить ток, то вложенный в катушку железный стержень становится магнитом!). Таким образом, достаточно было иметь дешевой источник силы для движения магнита, чтобы можно было получать и дешевый электрический ток. Получая электричество, его можно было передавать на любое расстояние по проволоке и пользоваться им даже очень далеко от источника силы (например, воюлогда), при помощи которой получают электрический ток. Все значение открытия Фарадея, следовательно, заключается в том, что он нашел способ получить электричество в любом количестве. Оно-то и позволяло также практически применять дешевую электрическую силу в любых размерах и в любом месте, чего до открытия Фарадея было сделать невозможно.

3. ЧТО ЖЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ЭТО ОДНА из самых изумительнейших сил природы. Ее не пришлось "открывать" человеку; еще с древнейших времен оно было знакомо ему по многим своим проявлениям. Еще древнейшие сказания описывают "магнитную гору", которая, якобы, притягивала к себе корабли, сделанные железом и вырывала из них железные гвозди и скрепы; древние народы знали, что натертый янтарь притягивает к себе легкие предметы.

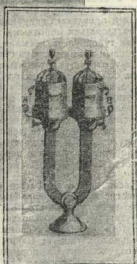
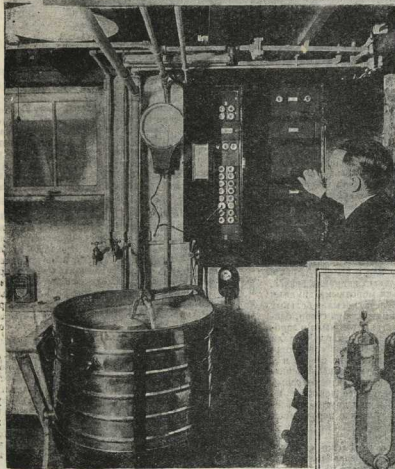
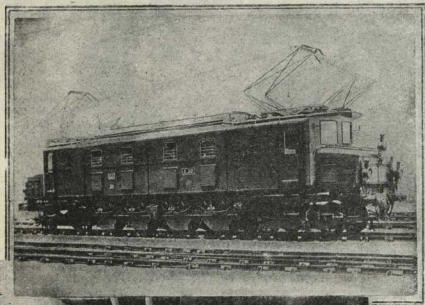
В течение многих веков производилось изучение электричества, и многие из открытий в этой области до сих пор служат путеводными звездами в науке.

Так, например, в 1752 году американцу Бенджамину Франклину удалось, наконец, "поймать молнию".

Франклин знал, что молния — это искры, возникающая при разряде скопившегося в тучах электричества. К этому времени ученые уже умели добывать электрические искры при помощи несложных машин, в которых куски кожи натерлись о серпие или смоляные круги или шеры, но никто еще не думал о возможности передавать электричество на расстояние. Франклин к этому подошел впервые.

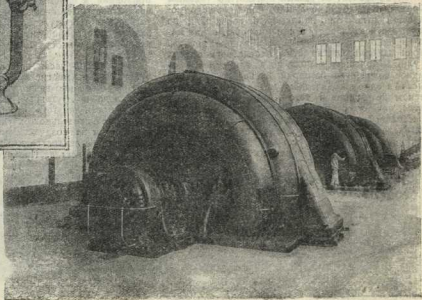
Другими словами: при помощи простого магнита получать электрический ток, а при помощи электрического тока — получать магнит.

ИСТОЧНИКИ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА: „ЛЕДУШКА НАШЕЙ ДИНАМО“ — машина Фарадея, 1825 г. (вверху); и современные генераторы электрического тока, дающие напряжения в 60.000 вольт

В ВЕРХУ: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В ТРАНСПОРТЕ — на этом снимке изображен один из самых сильных электро-локомотивов: французский электро-локомотив в 3.800 л.ш. сил, движущий скорость в 130 километров в час.

В НИЗУ: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В ДОМАШНЕМ ХОЗЯЙСТВЕ — здесь изображена стиральная машина, снабженная электро-мотором. За вращение чрезвычайно широко пользуются электрической энергией в домашнем обиходе — от электрического утюга до электрифицированной ивешной машинки

ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

В. Я.—ЧА

Он пускал змеи во время грозы в надежде, что сползшиеся в воздухе электричество по нитке пройдет вниз. Его ожидания долго не оправдывались потому, что сухие—шерсть, шелк, лен, бумага и пенька очень плохо проводят электричество. Но однажды, во время такого опыта, пошел дождь, нитка намочилась, ток прошел по нитке и Фрадкини сейчас же почувствовал удар электрического разряда. Сила электрического тока оказалась несобойши и Фрадкини только слегка огуллило и бросило на землю.

Этот опыт наглядно доказал, что молния действительно возникает при разряде скопившегося в воздухе электричества и что электрический ток можно заставить течь в любом направлении, как воду по трубам.

Люди научились проводить электричество, но добывать его им по-прежнему приходится в самых незначительных количествах.

4. ЛЯГУШЧАЩИ ДАПКИ И НОВОЕ ОТКРЫТИЕ

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО десятков лет случайно была открыта способ получения электричества в любом количестве.

Однажды итальянский ученый Луиджи Гальвани купил несколько лягушачьих окорочков. Ляпки лежали на столе около электрической машины. Всякий раз, как ученый извлекал электрическую искру, ляпки вздрагивали, будто разряда проходила через них. Тогда Гальвани немедленно произвел такой опыт.

Он зацепил позвоночный столб нижней половиной лягушки медной проволокой, поднес ее к перекладной балке и начал наблюдать. Лягушечьи ляпки действительно начали вздрагивать, но только тогда, когда ляпка лягушки касались медной проволоки, а не железной проволоки другой решетки. Выяснилось это по тому, что когда ляпка висела на медной проволоке окорочка соприкасалась с железом, т. е. через ляпку устанавливалась связь между двумя разными металлами.

5. ВОЛЬТА И ЕГО СТОЛБ

ТАКИМ ОБРАЗОМ, Гальвани случайно открыл так называемую «электрическую пару» металлов, дающую постоянный электрический ток. Этой «парой» через 11 лет воспользовался другой итальянский ученый—Александр Вольт, чтобы построить уже настоящую электрическую батарею, в которой электричество давали медные и цинковые кружочки, отделенные друг от друга толстыми кружками войлока, смоченного разбавленной серной кислотой. Эти кружочки, положенные вперемежку друг на друга, образовали столбик,—отсюда название кружочки «Вольтов столб». Соединяя проволокой два соседние или крайние кружочки, Гальвани получал электрический ток, который шел по проволоке от одного металла к другому.

6. ГАЛЬВАНИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ИХ НЕДОСТАТКИ

ТАК СОЗДАЛИСЬ электрические элементы, которыми мы пользуемся до сих пор для звонков, телефонов и т. п. В память Гальвани эти элементы называются гальваническими.

Как им важно было практическое значение гальванических элементов, все же они не могли быть широко применены в жизни. Прежде всего, они не могут безостановочно работать; им нужно «отдыхать». Затем, каждый отдельный элемент дает слишком слабый ток, и для того, чтобы осветить большую площадь или привести в движение большую машину, потребовалось бы очень много элементов, соединенных в одну батарею. А работа такой батареи обошлась бы чрезвычайно дорого.

Поэтому, до открытия Миталла Фарадея, электричеством можно было пользоваться больше для научных, чем для практических целей.

В ВЕРХУ: ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ—снимок изображает одну из самых больших в мире ламп накаливания.

В СЕРЕДИНЕ: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ СВЯЗИ—мощная радиостанция КЭГ в Лос-Анжелесе (Калифорния), которая передает концерты обшм Америке.

В ПРЯМОУГОЛЬНИКЕ: САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ В МИРЕ ДИНАМОМАШИНА—ее грандиозная часть свободно помещается в ладони.

ВНИЗУ: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В МЕДИЦИНЕ—снимок показывает одно из применений сильного света специальных вакуумно-лампы при болезнях кожи.

7. ДИНАМОМАШИНЫ И АККУМУЛЯТОРЫ

БЛАГОДАРЯ ЖЕ открытию Фарадея, стало возможным сделать такие электрические машины, которые добывают электричество в любом количестве и дают ток любой силы и любого напряжения.

Все динамомашины, дающие электрический ток от первичных образцов до современных, по существу, состоят из мягких железных магнитов, мимо которых (полюсов) которых проносятся катушки, обмотанные тонкой медной проволокой (для же, наоборот: такие катушки стоят неподвижно, а магниты движутся между ними).

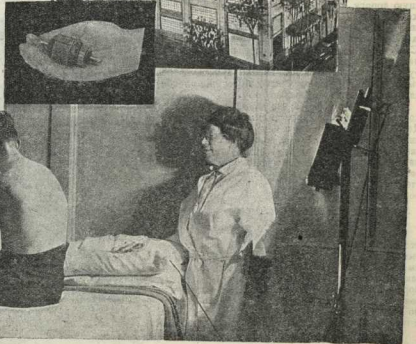
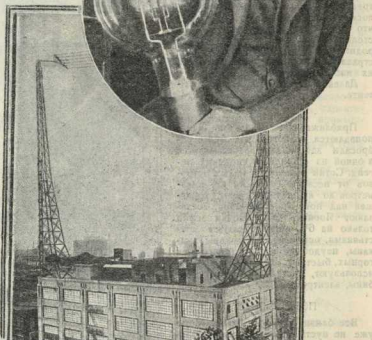
Скоро инженеры нашли способы и накапливать электричество в особых приборах—аккумуляторах (как вода накапливается в водосмехах), и пользоваться им по мере надобности, независимо от того, работает ли в данную минуту динамомашина для нет.

8. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ДВИГАТЕЛИ.

НАКОНЕЦ, электричество превращено в двигательную силу. В технике электрические двигатели, безшумные и быстрые, давно находят самое широкое применение. Маленькие двигатели, вертящие лопасти комнатных вентиляторов, встречаются теперь очень часто, не говоря уже об

электромоторах, приспособленных к токарным станкам, трамваям и пр.

За сто лет электричество успело ступить несобойдимые не только в лаборатории, но в технике и в домашнем обиходе человека.

СЛЕВА: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ СВЯЗИ—аппарат автоматического телефона, который сам, без помощи телефонистки на станциях, вызывает нужный номер (Мюнхен, Германия)

ЯПОНИЯ

СТРАНА ТЫСЯЧИ ОСТРОВОВ

В. ЯКУБОВИЧ

ВВЕРХУ — Т О К И О
ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1923 ГОДА: разрушения в центральной части города

ТРЕТИЙ ДЕНЬ плещут волны. Кругом море. Солнце еще чуть поднимается над горизонтом и рассеивает туман. Ветер играет верхушками волн и они искрятся под первыми лучами. Показался Владивосток с его точечей, сутолокой и гамом портового города. Скоро будем в Японии. Пауза, а затем ухающая из портов, прежде всего заставляет вспоминать о землетрясениях. Еще не забылось громадное бедствие, что разрушило Токио — столицу Японии, и много других городов и деревень. Ведь Япония — страна вулканов: одних действующих их насчитывается более 50.

Далекий берег вырастает на горизонте.

Приближаемся. Чаше и чаше попадаются островки. Их бугорки на бугорки здесь, как раскисываются в одной из старинных японских легенд. Сотни больших и малых островов от нескольких тысяч кв. километров до крошечной скалы, торчащей над поверхностью моря, составляют Японию. Эти клочки земли только на 7% обрабатываются крестьянами, остальные 84% — горы, вулканы, неудобные земли. Много рек горных, быстрых. Их энергию японцы используют, заставляя вертеть турбины, электростанции.

ПОРТ И БЕРЕГ

Все ближе и ближе берег. Море уже не пустынно и наполняется большими дорожки в базарный день. Пароходы всест. нацональностей, пароусые суда, китайские неуклюжие джонки все чаще появляются нам. Стальная спица проскальзывает вдали мывозвези. Подвозная лошадка качается на волнах, будто большая раба выставляя бржею. Берег вырост — выданы скалы, утесы, поросшие лесом, издали отсвечивают светлые горы.

Порт. Брокеры япон. На палубу поднимаются портовые чиновники проинтер. документа в груз. Долго слышат подпись и печати. Човичи. Официально вежливо козыряя, покидают судно. Подтаиваемся ближе к берегу. Воды не видно от массы лодок-саманов пасокдонных и фуз — больших лодок с каторко-домком, на корме стоят грёбы, ково управляет одним веслом, широким, как лопата.

ТОРГОВЦЫ

Среди лодочников торговцы спорят из-за очереди: кто первый должен войти к нам. Лезут быстро со всех сторон по канатам, вончим, японским цепям. Сверкая зубами и белыми глаз, прыгают на палубу. Толпами наваливают ее. И сразу порядок и тишина. Усажив в ряды. Разваливая товары. Кликаются, приседают, вежливо хлопая по коленкам. Предлагают товары, торгуются, и все с поклонами и приседаниями.

Тут же суетятся татуировщик. Соблазняет своими альбомами и быстрой и ловкой работой.

ЧЕЛОВЕКО-ЛОШАДЬ

Она за круглой оглянутой лодки от катера с отсажающими на берег. Вот и моя очередь. В паровом катере тесно, но весело — все смеются,

ВНИЗУ — НОВАЯ ТОКИО: одна из улиц, вновь отстроенных после землетрясения. Снимок сделан в 1925 году

штат. Как-то будет на чужом берегу! Уговариваемся к четверти дня вернуться на сушу. Пять мильку быстрого хода. Стоп! Магко презамекается в берг. Робко расходимся по все стороны: наша компания осматривать города. Двух шагов не прошло — толпа насочина: куда-то зовут, что-то предлагают. Кто-как осматриваемся. Это японские Джинеркиши. Люди-лошадь. Они сами впрягаются в легкую лаврованную колыску и мчат бегом селом. Мы отрываемся. Ехать на человеке стыдно. Всем как-то же по себе становится. Человека на человеке! Мы не боимся — темном пойдём! И, как персону, навстречу нам поадается несколько таких джинеркиши с седоками. Водной коаксе сидят две японки, в другой — худой и высокий европеец. Он, поучая, внялой сетагой подталкивает свою человеко-лошадь.

Джинеркиши — это проклятые европейцы. Идет сидеть на людях принадлежит досточтимому Гоббо американскому полу-мисснеру. 58 лет тому назад везявися по его предложению и проповеда первые джинеркиши, а теперь их в одном Токио — столице Японии — до 40.000. Бронзовые от загара, мускулистые, они то и дело попадаются нам навстречу. Жизнь их коротка: 5—6 лет работы — частота и сырчатые болезни спровозначив джинеркиши в могилу. На место одного идут десятки новых, которых толмает безработица и малоземелье.

УЛИЦЫ И ДОМА

Идем по городу. По узким кривым и узким, с тротуарика, проложёнными посредине улиц. Чистота. По улицам выслушают из куртинок целые стада кур, и те подбавляют все сестные отходы — переливающиеся броски. А оставшиеся броски еще толку, что нет ни скота, ни лошадей. Их нечем кормить, так как лугов в Японии почти нет.

Дома — двухэтажные, похуже на ввевши. Фундамент и часть стен — деревянные, остальные — предельно легкие, обитые ватной бумагой. Е скрепленные между собой насыпана глина, в предохраниение от свирепых тайфунов, которые срывают все, что не набегает под их порывами. Крыши сделаны из черепицы. Такое сквозное устройство домов хорошо на случай эвакуации при землетрясении, во время частых пожаров. Утром сторт дом, а на следующий день дом снова тотон. Все немное японцы кривят в особые свирепые курады с толстыми глянцевыми стенами и крышей.

Мы наблюдаем, как на дель раздвигаются стены домов. Видна вся внутренность домиков. Толстые соломёные циновки, жарятся с углями. Столбы для сам. Вот и все: ни стульев, ни кровати, ничего. За доками видны крошечные, но красивые сады. Японцы находят место и умеют хорошо использовать его. Деревья-варьяны, цветы, особенно хризантемы всех оттенков и величия.

ПЛАТА ЗА КВАРТИРУ

Бродим по улочкам, одна на другую похожим. Вот странная процессия. В каких-то глиняных, с громадными чашками в руках, идут бритоголовые «бозы» мокая — утреннюю мыльность собирают.

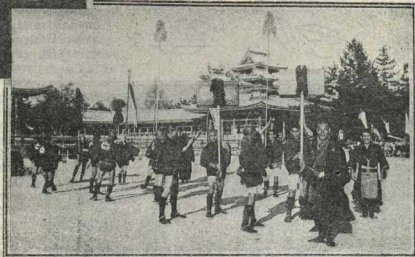
КАК РАБОТАЮТ НА ПОЛЯХ ЯПОНИИ. — Чтобы поднять возы в рисовые поля, рабочий принужден еще толку, что нет ни скота, ни лошадей. Их нечем кормить, так как лугов в Японии почти нет.

ВВЕРХУ — ДЕ-ЛОВАЯ ЯПОНИЯ: здание Национального банка, Токио.

ВНИЗУ — РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОЦЕССИЯ во время январского праздника «Фудзика» в Токио.

Часто попадаются «кули», несущие зловонные калки на поля для удобрения. Это — кварталы плата бедняков. Мазоземелье заставляя очень высоко ценить удобрение. Японскому крестьянину нужно прокормить семью из 8—10 человек урожаем с кусочка земли. Иныеоще подвешивают сачки чуть ли не богачами.

ЯПОНСКИЕ КОСТЮМЫ

Уже раскрыты все дома. Видно, как одеваются. Японский костюм прост. Халат-кимоно почти одинаков для мужчин и женщин. Только у последних пояс «оби» более пышный, чем у мужчин. На ногах чулки, подошвы на ружьях. Вместо ботинок носят деревянные сандалии — гето, которые ремешком прикрепляются к большому пальцу ноги. Шаги японцы не носят. Японки делают сложные прически. Парикмахер приходит раз в 2—3 недели и причесывает их. А до него японки не расчешут волос и снит на особаях деревянных подставках, которые подкладывают под шею.

ПРОЛЕТАРИАТ

Рабочий класс Японии в большом угнетении. Капиталисты держат его в крепких руках.

Всего, по статистическим данным 1919 г., в Японии 1.611.990 рабочих. Средняя заработная плата рабочих 1 р. 10 к. в день, а женщин — 54 к. На рудниках же за 12-часовой труд рабочий получает 1 р.

Плохие материальные условия заставляют рабочих объединяться в профсоюзы для борьбы с навигационными капиталистами. Число рабочих, состоящих членами профсоюзов, достигает 247.000 человек. В коммунистической партии состоят более активные рабочие, которые, несмотря на все преследования полиции, ведут полуподпольную работу среди пролетарских масс.

РЫНКИ

Большая прямая улица, сбсаженная деревьями. По сторонам — лавки, магазины, на тротуарах густые толпы пешеходов. Разноцветные иваски плащаты перекинуты через улицу. Каждое свободное местечко занято лотышниками. Они торгуют мануфактурой, галантереей, разными изделиями из дерева, кости, камня. Дальше рыбный рынок, зеленый, продуктовый. Все это шумит, кричит, звенит. Но нигде ни ружья, ни крак. Поляны здесь делать нечего. В толпе и пошлые европейские костюмы, и женщины в кимоно с рубчиками за плечами, и смешанные одежки: кто в длинном сюртуке и ботинках, но с голыми ногами; кто в кимоно и сандалях, но с котелком в голове. Красиво выделяются национальные костюмы.

ШКОЛА

Кое-как выйдешь из толпы базара. По дороге проходишь мимо школы. Ребята сидят на циночках. Кисточками выводят знаки, трудно дается грамота. Но все весело. По окончании уро-

ка окружают нас. Показывают написанное. Хитрые закорючки, цыгане узоры из черточек. Японский язык не знает азбуки в нашем значении этого слова. У них, как видно из пошешенной таблички, существует 47 знаков, называемых «кана», для обозначения 47 отдельных слогов. Их пишут, соединяя слоги в замысловатые фигуры. Теперь владеет изучение аялгийского языка, но и японский остается в силе. Образование здесь обязательно для всех. Если бы не общия грамотность, не культурность, то едва ли Япония могла бы так выдвинуться за последние годы.

ГЕОГРАФИЯ ЯПОНИИ

Что же представляет собой Япония? Тысячи островов выткнулись дугой от тропиков океана. Формозы до обладений Сахалина. Собственно, жаром ее считают три острова: Хондо, Киу-Сиу и Си-Ко-Ку. Все острова вместе взятые имеют площадь в пятьдесят раз меньшую, чем СССР.

НАСЕЛЕНИЕ

На этих островах ютятся 62 миллиона жителей. Главную массу населения составляет японцы. Это — новые обитатели островов, так как они мало-по-малу вытеснили ста-

Теплый климат большей части Японии позволяет заниматься садоводством, и жители каждый клочек земли обращают в садик с причудливыми деревьями, кустами роз и хризантем, лаурищенными карликовыми деревьями, искусственными колодаями.

Любовь к цветам вылилась в установлении праздников цветения хризантем, вишни и т. п., выражающихся в грандиозных массовых гуляньях.

Теплый климат позволяет японскому крестьянину с крошечного участка земли снимать урожай два раза и тем поддерживать жизнь своей семьи. С каждым годом растет мазоземелье, т. е. парозапасельные угодья, а площадь земли остается прежней, замкнутая морем со всех сторон.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Жизнь на островах и многочисленных озера и реки выработали из японцев смелых моряков. Быстроу промышленному развитию соответствует и рост жел. дорог. Только падаете лет тому назад была проложена первая железная дорога, а теперь протяжение их равняется 13 639 км.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Япония оказалась обладательницей одной из основ промышленности — каменного угля. Добыча его развилась с головокружательной быстротой. В 1892 г. было добыто 3 100 тыс. тонн, из которых 1 400 т. тонн было вывезено, и только 1 700 тыс. тонн пошло на внутреннее потребление. В 1915 г. этот добычу в 20 490 000 тонн, а в 1919 г. эта цифра достигает 31 271 000 тонн.

Из этого числа 2 000 тыс. тонн идет на экспорт, а 29 271 000 тонн — на нужды промышленности.

Эти цифры показывают, насколько возросло потребление в стране, что, несомненно, характеризует чрезвычайно быстрое развитие промышленности.)

Добыча железа также увеличилась за эти годы в 10 раз.

Особенно интенсивно отличается рост промышленности после победоносной для Японии японско-китайской войны, а также русско-японской, и, наконец, мировой войны на Запад, которая обеспечила Японии грандиозный приток капитала. Вот интересные данные:

В 1894 г. было 1 098 фабрик и заводов.

= 1900	= 2 084	"	"
= 1905	= 4 000	"	"
= 1916	= 18 000	"	"
= 1919	= 21 949	"	"

) Цифры взяты из „Japan Year Book“ 1921—22 г.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЙ: на последней переписи (1925 г.) установлено, что восточные тысячи рабочих не имеют постоянной работы, а последние переписи рабочих в Осаке, неподалеку от железнодорожного моста.

КОНЫКИ

Б. БОРГ, рисунки М. ЯГУЖИНСКОГО, снимки С. КРАСИНСКОГО

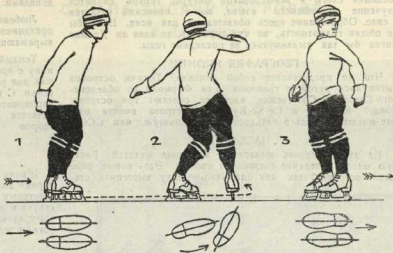
Кататься на коньках могут все. Нужно лишь желание и терпение. Конечно, сразу вилы не даются. Первое время всегда трудно: ноги разжимаются, руки беспомощно дрыгаются в воздухе, и страшно пошевельнуться. Но этого не нужно бояться так же, как неизбежных падений при начале обучения. Ведь спорт без риска немислим.

С чего начинать занятия конькобежным спортом? Конечно, прежде всего, с приобретения необходимого инвентаря. Но тут-то и встает вопрос — какой? Сначала об одежде. Ни в коем случае не выходите на лед слишком тепло одетыми, в шубе, нескольких фуфайках и т. д. Вам станет скоро жарко, вы будете потеть, и таким образом сможете простудиться. Костюм конькобежца должен быть прост, легок, не стеснять движений и отвечать всем требованиям гигиены. На ноги лучше всего надевать два носка (при сильном морозе) или же голую ногу обернуть обыкновенной газетой и затем шерстяной носок. Такая комбинация выдерживает любой мороз. Конькобежцы надевают на ноги специальное вязаное трико. Оно очень удобно, но дорогое; без него с успехом можно обойтись, катаясь в обыкновенных брюках. Затем идет шерстяная фуфайка — лучше без напес, под которой рубашка. На голову — вязаную шапку и наушники.

После каждого занятия, здесь же на катке, в помещении, снять фуфайку, переменить рубашку и, если это возможно, обтереть себя мокрым полотенцем, дабы избавиться поры тела, обильно выделяющие пот, от вредных для организма выделений.

Девушка наденет на ноги теплое трико, а поверх широкую и коротенькую юбочку, которая не стесняет бы движений.

За последнее время повивалась мода кататься на коньках с голыми ногами — в носочках. Это вредно и нелепо, так же как и большинство «парижских мод». Понятно, что кататься без перерывов нельзя. Но раз будут остановки, то разгоряченные мышцы будут быстро стывать. На ногах появляется «гусиная

ВВЕРХУ — ПОВОРОТ: 1 — ход на обеих ногах; 2 — вынос правой ноги вперед и влево; 3 — ход после поворота. ВНИЗУ — ХОККЕЙ — ИГРА НА КОНЫКАХ: по своим основным правилам она напоминает футбол. Снимок изображает момент распасовки нападающих

кожа». Застудить мышцы легко, но избавиться от этого много труднее.

Теперь подходим к самому основному — выбору коньков. Существует целый ряд различных систем. Начинаяшему следует купить «Снегурочку» и учиться на этой системе. Это наиболее удобный тип и вместе с тем наиболее удобный для новичка. Если учиться означает подрасток, то можно купить коньки с добавочными лезвиями, которые прикрепляются параллельно основному лезвию и идут от каблука до половины конька. На таких коньках начинающий чувствует себя более устойчивым — следовательно смелее. А это то как раз и необходимо. При выборе коньков следует обращать внимание на стальные полосы лезвий, которые должны быть длиннее подошвы башмака на поверхности. Коньки надо выбирать с низкой посадкой, так, чтобы высота поставленной на конек подошвы над льдом не превышала $\frac{1}{2}$ вершка. Желоб лезвия должен быть продольно отточен (это не даст конькам раз'ез-

жаться в стороны), но не закруглен. «Снегурочка» или «Нурикс» прикрепляются к лодыжкам ботинок, имеющим на каблуках верхушки пластинки. Остальные же системы коньков закрепляются на лодыжку и требуют специальной пары обуви. Но зато на таких коньках больше устойчивости, больше крепости.

Когда начинающий достиг известного совершенства, он может выбрать себе другие системы, смотря по тому, что он рассчитывает дальше делать. Если он будет просто кататься, ему можно посоветовать: «Английский спорт», «Бетовую Снегурочку» и т. д. Если он вздумает упражняться в фигурном катании, то следует приобрести «Сальков» (это самые дорогие, но и самые лучшие фигурные коньки) или же «Яхт-клуб», или «Жаксон - Гейнс». Эти системы имеют очень крутые изгибы лезвия, дающие большую свободу при поворотах. Последние играют центральную роль в фигурном катании.

Для игры в хоккей будут нужны «Английский спорт» или лучше «Гааген» (эти коньки с прямым плоским лезвием и сделаны из алюминия — следовательно, весьма легкие, так что дают возможность быстро бегать). «Гааген-Христианс» или, как у нас называют их, «Норвежские» — с прямым длинным лезвием, на поверхности которого хорошо распределяется вес тела конькобежца. Толщина лезвия от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ сантиметра.

Все коньки должны быть стальными. Покупать железные — это выбрасывать деньги на ветер. Особое внимание обращать на сталь лезвия, которая должна иметь особую закалку. Хорошие коньки, хорошо сидящие на ноге (нога в ботинке не гуляет, но крепко сидит) это уже половина успеха при учении.

Теперь переходим к самому основному — коньковой технике. Первые ошибки, которые мы видели у новичков, это — неумение не только двигаться на коньках, но даже стоять. У начинающего ноги подгибаются в ступнях, не выдерживая тяжести тела. Если же новичок и начал двигаться, то и тут у него ничего не выходит. В чем же дело? А дело в том, что толчок у конькобежца резко отли-

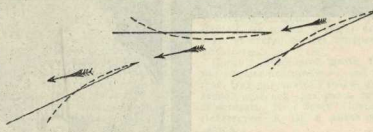

чается от толчка обыкновенного пешехода, но эту разницу редко кто улавливает и понимает. Между тем, толчок играет наибольшую роль в длине шага и быстроте хода.

Толчок производится следующим образом: когда у конькобежца согнута нога и конек находится по корпусом, в этот момент производится отталкивание серединой лезвия, но никак не носом или задом конька. После толчка конек не поднимается слишком высоко над льдом, но должен проходить в 20—30 сант. от поверхности, так как поднимание конька чуть ли не до спины лишь задержит ход. То же самое скажем и про частую смену ног (быстрые шаги). Они не дают желанной скорости, но быстро утомляют участника. Хорошие конькобежцы делают шаг от 14 до 17 метров.

Чтобы использовать энергию толчка до конца, следует не очень резко перенести вес корпуса с ноги на ногу, так, чтобы согнутое колено скользило по середине груди. При этом тяжесть тела увеличится (от поступательного движения конька), делая накат.

Следует помнить, что раскачивать корпус с одной ноги на другую надо не резко и не слишком сильно, ибо при этом на время теряется равновесие. Нужно направлять конек лишь с маленьким отклонением от прямой линии. Если же толчок конька произведен с возможно близкого от корпуса расстояния, то это, увеличив его силу, даст наибольшую скорость движения.

СПЕВА — СХЕМА БЕГА НА КОНЬКАХ: 1 — толчок левой ногой; 2 — ход на правой ноге; 3 — толчок правой ногой. **СПРАВА — ДВА СПОСОБА ОСТАВЛЕНИЯ НА КОНЬКАХ:** сбоку указано положение ног. **ВНИЗУ — СХЕМЫ ТОЛЧКА:** сплошная черта изображает след толчка на коньках с ПРЯМЫМ лезвием («Норвежские», «Гален»; нункир — на коньках с ВЫГНУТЫМ лезвием («Нурмис», «Снегурочка» и пр.).

Как известно, каждый каток и беговая дорожка имеют два поворота, независимо от того, какой они длины и ширины. Умение хорошо брать повороты, идти на виражах, не теряя скорости и не затрачивая много энергии, и составляют класс хорошего skater'a.

Часто видишь хороших конькобежцев, которые проигрывают состязание

из-за неумения идти на поворотах. Бывает и наоборот.

Прежде всего, на виражах иду мелким и частым шагом, наклонив корпус по направлению к центру катка (к внутренней бровке), держа его низко. Чтобы несколько увеличить скорость, следует несколько присесть на обе ноги перед толчком. На вираж следует входить с таким расчетом, чтобы шаг правой ноги оканчивался уже в самом начале закругления. Основная работа на поворотах будет у левой ноги. Когда вес тела

перенесен на эту ногу, skater' должен толчок делать упруго, но мягко, без резких движений, но корпус сможет потерять равновесие, а, следовательно, и скорость. Повороты идут, зашагивая правой ногой за левую, впереди левой. От того, как вы сумели выйти с поворота, зависит и быстрота хода на прямой. Если в конце виража вы уменьшили скорость — вам придется наверстывать ее на прямой. Это не экономно, ибо лучше выйти сильно на прямую, и там несколько отдохнуть, приготовля себя к другому повороту. Если нельзя последним шагом дотянуть до прямой, то лучше сделать лишний короткий шаг. На виражах руки, согнутые в локтях, делают резкие движения в плечах, откидываясь больше назад, чем вперед. Эти размахи дают поступательное движение всему телу вперед.

Растягивать шаг на поворотах не следует. Практика, а также темп хода подскажут, сколько шагов нужно сделать.

ВВЕРХУ — ХОД НА СКОРОСТИ: снимок хорошо показывает момент толчка левой ногой и костюмы конькобежцев. **СПЕВА — ТИПЫ КОНЬКОВ:** 1 — «Снегурочка», 2 — «Нурмис», 3 — «Салаво», 4 — «Английский спорт», 5 — «Гален» (специально для хоула) и 6 — «Норвежские» (беговые). **СПРАВА — ПРИКРЕПЛЕНИЕ КОНЬКА К БОТИНКУ:** сверху показан каблук со врезанной в него пластинкой для конька.

ПОДЗАТЫЛЬНИК

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПЕЧАЛЬНОМУ РАСХОЖДЕНИЮ ВО ВЗГЛЯДАХ
НА ПОЛИТУЧЕБУ

Рисунок В. СУТЕЕВА

...Раньше был у нас в чужие хорошие политкружки, а теперь вовсе развалился, и никак выдаться не может. Сколка идет большая, а все потому, что ребята во взгляды никак не сойдутся. Главное, руководителя нового дали он, конешно и говорят:

— Ежели вам, ребята, час для занятия политкружки отвели, так вы политграмотой и занимайтесь!

А ребята, конешно, — как раньше привыкли, — с ним несогласны, и в этот час пороят заниматься попржекому...

(Из письма)

СМЕНА

1926

МОСКВА, НОВАЯ ПЛОЩАДЬ 68,
ОТДЕЛ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
ИЗВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

С 1926 года один номер „СМЕНЫ“
по подписке будет стоить 20 копеек.

1926

РЕБЯТА, ПОДУМАЛИ ЛИ ВЫ О ПОДПИСКЕ НА

1926

СССР

Авто-Транспортное Торгово-Промышленное **АВТОПРОМТОРГ**
Акционерное О-во

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Петровка, 4, телеф. 3-70-13, 3-70-14, 3-70-18, 3-70-15. — Телеграфный адрес АВТОПРОМТОРГ.

ПАССАЖИРСКОЕ И ГРУЗОВОЕ АВТОСООБЩЕНИЕ ПО ВАЖНЕЙШИМ ТРАКТАМ СССР

Устройство и эксплуатация автохозяйств, моторных водных сообщений и тракторных отрядов (транспортных и сельскохозяйственных)
АВТО — МОТО — ВЕЛО — МАШИНЫ, ТРАКТОРЫ || **СПЕЦИАЛЬНЫЕ АВТОМАШИНЫ** (пожарные, санитарные, ассенизационные)
русских и иностранных фирм, принадлежности и запасные части к ним.

ПРЕДПРИЯТИЯ АВТОПРОМТОРГА В МОСКВЕ:

К-ра Центрально-Промышленного района Каретный ряд, 15/23, тел. 5-83-20. Телегр. адрес Мосавтопромторг.
Транспортная к-ра Площадь Революции 1, телеф. 2-41 15.

Миусский автомобильный завод, Миусская площадь 7, телеф. 1-96-74.

Мотодиспетчерский завод имени ЗИНОВЬЕВА Ленинградское шоссе, 11-ая верста, телеф. 1-59-62.

Техническая контора, Маросейка, 7, телеф. 3-70-19.

Центральный склад, Н. Смирнитинки, Н. Смирнитинская ул. 1, телеф. 5-34-30.
Саратове, Свердловске, Ташкенте.

ОТДЕЛЕНИЯ И АГЕНТСТВА ВО ВСЕХ КРУПНЫХ ГОРОДАХ СССР
В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ДЕЙСТВУЮТ: Управпромторг — Харьков, ул. Свердлова 22. Завквотпромторг — Тифлис пл. Свободы 5. Белавтопромторг — Минск Советская 82. Крымкурсо Севастополь ул. Троцкого 6.